

АНТОН СУРОВЫЙ

**ДВАДЦАТЬ ОДИН
ГОД СПУСТЯ**

РОМАН

«...А на следующее утро десятки дымных следов двухсоттонных ракетносителей РС-20 перечеркнули небо над терриконами. Где-то через полчаса утренняя дымка над европейскими столицами разорвалась слепящими вспышками, испепеляющими гамма-лучами всё живое. Ещё через несколько десятков минут та же участь постигла Китай и Америку...»

Библиотека ПДРСа

Никополь, "РОСТОК"

ISBN: 978-955-02-4882-4

АНТОН СУРОВЫЙ

**ДВАДЦАТЬ ОДИН
ГОД СПУСТЯ**

РОМАН-АНТИАНТИУТОПИЯ

«...От невыносимой боли газфюрер визжа покатился по полу, затем застыл, поскуливая, поджав колени к подбородку.

Поскуливание сменилось рыданиями, затем хриплыми стонами, Путин задёргался и вытянулся, уставив стекленеющие глаза в загаженный угол.

С ним вместе умерла Великая Империя...»

Никополь, "РОСТОК"

2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Двадцать один год спустя. Роман.....</i>	<i>6</i>
<i>Послесловие.....</i>	<i>69</i>

Памяти Корчмара посвящаю я этот труд...
А. Суровый

Самая чарующая история о борьбе и труде, которую когда-либо видел свет! Автор мастерски воссоздаёт дух светлого прошлого и атмосферу грозного будущего. Антон Суровый – несомненный титан, на фоне которого меркнут даже такие авторы, как Алексей Толстой, Джордж Оруэлл и Василий Шувьга.

Аркадий Райков, лауреат литературной премии «Днепровские пороги»

Роман неплохой получился. Вот ведь порой интересно бывает - сам автор с гнильцой, а пишет если не на четвёрку, то на твёрдую тройку, уж точно. Чем-то мне этот Суровый Толстого, Алексея, напоминает. Не талантом, естественно, Суровый – это так, пшик, мелкашка. А душонкой подленькой, диссидентской.

Доверять, конечно, Суровому нельзя, но использовать на благо Партии – нужно, несомненно. Пускай живёт пока, пока не исписался. Только держать на коротком поводке, и по шёрстке гладить периодически – чтоб не огрызался. С паршивой овцы – хоть шерсти клок!

Вилен Резцов, ветеран Органов

После первого прочтения романа «Двадцать один год спустя долго не мог уснуть, ворочался в кровати, много думал. Казалось, мир перевернулся, придавил меня всей тяжестью. Уснул лишь под утро, и проснулся с тяжелой головой, как с похмела. Весь день пошёл насмарку!

Владимир Марченко, предисполкома ПСПУ

Все мы знаем, какой трудный путь прошёл Антон Суровый в последнее время. А во многом виновен он сам – где-то недоглядел, где-то дал маху, в чём-то проявил несознательность. Однако роман написал отменный – и роль Органов правильно обрисовал, и врага заклеил. Жаль только, что Путин умирает. Но ведь главное – книжка учит нас предельной, ежеминутной бдительности! За это даже можно простить трударю Антону некоторые прегрешения прошлого. И Политсовет ПДРС так и сделал! (документ прилагается на следующей странице)

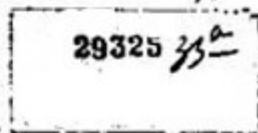
Валерьян Лютый, начконтр ПДРС

ЦДРС НЕ ВСТАНЕТ НА КОЛЕНИ! ТАК ЗАВЕЩАЛ КОРЧМАК И ЛЕНИН!

ЦДРС
ПОЛИТСОВЕТ ПРИДНЕПРОВСКО-ДОНЕЦКОГО
РАБОЧЕГО СОЮЗА

6 апреля 2009
№ 2353-2

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Учитывая смягчающие обстоятельства, заключающиеся в финансовой поддержке партийной кассы, а также по многочисленным просьбам партийцев, Политсовет ЦДРС постановляет:

Снять с члена ЦДРС Антона Суrowого следующие судимости:

1. Ст. 58-12 УК Луганской Педерации (Недонесение о готовящейся измене ЦДРС).

2. Ст. 58-10 УК ПП (Изготовление или хранение литературы, содержащей призыв к подрыву или ослаблению ЦДРС),

3. Ст. 58-14 УК ПП (Контрреволюционный саботаж, т.е. безразличное исполнение обязанностей члена ЦДРС).

Для профилактики дальнейшей партийной работы Политсовет ЦДРС оставляет меру наказания, которая заключается в временном запрете занимать руководящие должности в структуре Приднепровско-Донецкого Рабочего Союза.

Члену Расстрельного комитета ЦДРС А.Чкалову довести данное Постановление до сведения Председателей партийных ячеек.

06.04.2009г.

Григорьев
Григорьев (оружие)
В. Григорьев
07/10

ТОМ I. СМЕРКАЛОСЬ

Вот ведь разжирили! Эти мусорским крысам ничего не делалось. Огромные, размером с чемодан, они ели социальный харч прямо из рук, дружелюбно попискивая. Сеня любил крыс, особенно холодец из них. Суп – его и дурак любой сварганить может, а сварить настоящий холодец – это высокое искусство, не для среднего ума.

Сеня выбрал крыску пожирнее и помоложе, занёс её за кучу смиття, и там, ласково поглаживая по жёсткой шёрстке, перерезал ей горло. Умело освежевал тушку, подвесив её за хвост к предварительно воткнутому в мусор дыну, шкурку и мясо взял с собой, а внутренности и лапки бросил крысиным подружкам – пусть полакомятся.

Крыс можно было есть безбоязненно: они каким-то своим внутренним механизмом полностью переваривали ту российскую отраву, которой до сих пор был пропитано всё вокруг – почва, воздух, дождь, лужи, даже, казалось, красноватый солнечный свет вокруг.

Сеня спокойно шёл к своему подвалу под рухнувшим пятым подъездом: соседские негры и прочие чучмеки его уважали и боялись, а потому не трогали. Лаз в подвал охраняли два замка, откликавшиеся на клички Цербер и Барбос, они издали узнали хозяина по специфическому запаху и звукам походки, поэтому дружелюбно повизгивали и полаивали – проходи, друг.

В подвале было относительно чисто: Препузаста гоняла за бардак и безжалостно выбрасывала Сенино хозяйство наружу, постепенно вокруг лаза образовался вал в несколько метров высотой. Вал густо порос рыжей травой, которая задавила всё вокруг после неудавшейся Освободительной войны.

Сеня, побряхывая – возраст давал себя знать – разделся, помыл относительно чистой дождевой водой руки и принялся готовить ужин, поглядывая на большой экран на стенке с выключенным звуком – хохляцкая тарабарщина его раздражала, а английский он понимал плохо.

Порубил крыску на куски, сложил всё в прозрачную кастрюлю, залил социальной водой и поставил в печку, запрограммировав

температурный режим. Специи он положит позже – в определённом порядке, в соответствии со своим фирменным рецептом.

Том II. БЕШЕНАЯ ПРЕПУЗАСТА

И разумные замки, и экран, и печка, и раздвижные стены, за которыми жили дед Трофимыч с дедом Антошкой и отдельно баба Пузя – всё это подарки от Артёма Чкалова, который, не смотря на занятость, не забывал о стариках. Это уже был не тот, не по годам серьёзный, хотя и юный Артёмчик, а известный депутат Европарламента от малоизвестной левой партии.

Сеня гордился знаменитым земляком: Артём свободно говорил на основных европейских языках – английском и арабском, неплохо знал китайский и французский, ездил на новеньком электромобиле. Но от корней не отрывался, хотя бы раз в год наезжал в родную разрушенную и отравленную восточно-украинскую Зону, не забывая зайти к своим бывшим побратимам.

Пока варился холодец из крыски, Семён обработал и развесил сушиться шкурку, а потом связался по фону с Трофимычем, который гостил у деда Серёги в Полесье. Дед Серёга уговаривал друзей перебраться к нему в Чернобыльскую зону, где климат был здоровее. Потом Сеня поставил греться дождевую воду в ванне. Снег уже несколько лет, как исчез, эта зима была дождливая, поэтому мылись часто.

Сеня, как самый молодой и здоровый, приносил чистую и выносил грязную воду после ванны, сливая смылки в вонючую лужу за развалинами. Купались по очереди: сначала Препузаста, потом Артём, а потом Сеня с Трофимычем. Сеня тер спины и лысины старикам чкаловским шампунем: от российской отравы все облысели, Препузаста этого стеснялась и поэтому постоянно носила берет.

Баба Пузя с дедом Антошкой были сейчас в молельном собрании. Препузаста после войны стала совсем религиозной, перепробовала христианство, ислам, индуизм, и, наконец, застряла на корчмар-вуду.

За её стенкой красовался портрет Корчмаря в полный рост, украшенный куриными и крысиными лапками и головами.

В силу своих лидерских замашек, Препузаста быстро вскарабкалась по церковной лестнице, в конце концов основав собственное Серое братство. Сеня живо представил себе, как в этот момент глава секты Мать Преподобная Пузаста и её верный Антон воют и пляшут в молебном собрании вместе с экзальтированной толпой, нарядившись в крысиные юбочки.

Том III. В МЕНЬШИНСТВЕ

Чкалова тормознули из-за кустов, между Ля Ульпом и Риксенсартом, трое самодовольных бородачей в зелёной форме. Кто же тут их ожидал, стражей ислама, на почти безлюдной узкой дороге?

Артём, заранее мысленно потирая задницу, покорно вышел из машины. Сам виноват: схитрил и пропустил обязательный дневной намаз, специально поехав через Фландрию по спокойной провинциальной дороге, да не тут-то было.

Наказание стандартное: по второму разу – десять палочных ударов ниже спины, а в третий раз уже будет тюрьма. И до лампочки этим радостно-мстительным мужикам, что ты депутат Европарламента, и только неполных пять лет назад принял обязательный в Европе ислам.

Слава аллаху, дорога пустынна: все остальные водители уже стоят на коленях вдоль обочин на своих молебных ковриках. Хоть не будут эти рыжебородые бритые твари в проезжающих электрокарах ржать и показывать пальцам, снимаю экзекуцию на фоны.

Вытерпел десяток болезненных ударов, после каждого не забывая повторять ритуальное «алла акбар», натянул брюки, и, как положено, трижды поклонившись стражам, сел в машину. Заехал за поворот и стал на обочине, для вида опустившись на молебный коврик с витиеватой арабской вязью.

Так что же, за что боролись, на то и напоролись? Стремилась в дом родной, в отеческую Европу, а попали в ... Белое меньшинство в Европарламенте всё дальше отступало в никуда, ведя арьергардные бои, стараясь хоть как-то смягчить и модернизировать чугунный пресс законов шариата.

Артём огрызался, как мог, отчаянно борясь с неизбежным нововведением – обязательным ношением паранджи замужними женщинами. В душе он понимал, что поражение неизбежно, и, рано, или поздно, исламская инквизиция разчавит остатки христианской культуры, но старался из всех сил хотя бы оттянуть неминуемое.

Чкалов ударил в бессильной злости кулаками по пульта управления электромобилем. Нет, так дальше нельзя, хватит пичкать себя лживыми иллюзиями. Ну, неужели, неужели единственный оставшийся вариант – ответный христианский джихад, о котором постоянно твердит Лютый.

Он сидел в машине, растирая пульсирующую голову ладонями. Неужто нет иного выхода, как отвечать безжалостным террором на ползучую арабскую экспансию? «А как же вековые ценности европейского гуманизма, права человека, что же, всему этому конец?» - мысленно кричал он сам себе в бессильной пустоте. И чувствовал, как давно созревший ответ шевелится в запретном уголке сознания.

Том IV. ДВА АКСАКАЛА

Они полулежали на деревянном помосте на возвышенности, наслаждаясь выдержанной водорослевкой из священных резных пиал, покрытых древляндским орнаментом. Два патриарха, два античных мыслителя, две легенды. Дед Серёга, пожизненный президент Южно-древляндской рабовладельческой республики, и Трофимыч, народный герой, лидер избирательной пятёрки ПДРС.

Раб в свинячьей шкуре с красным тавром «Комуняка» на лбу,

услужливо разложил подле лежанок угощения – чернику в мёде, копчёную оленину и жареные с луком грибы. Двое рабынь, стоя вокруг в ажурных берестяных туниках, плавными движениями опахал из сосновых веток отгоняли мух. Ещё четверо рабынь, изящно изгибаясь, танцевали у помоста древляндский народный танец.

После никчемной Освободительной войны, в результате которой вся юго-восточная часть Малороссии превратилась в отравленную Зону, выжившие в Зоне малороссы устроили суд Линча над коллаборационистами, с цветами встречавшими русские танки.

Трупы «комуняк», «социков» и «тюлек» разлагающимися гирляндами висели вверх ногами на столбах. Изуродованные, с вывалившимися, раздутыми внутренностями, они долго шокировали и притягивали глаза трусливых европейцев с экранов телевизоров и первых полос газет. Голливуд тоже не остался в стороне: десятки боевиков, поставленных по мотивам «Красной резни», принесли кинокомпаниям миллиарды прибыли.

Дед Серёга тогда, рассудив прагматично, открыл границы Южной Древляндии, предварительно заставив Великий Хурал принять поправку к Конституции, легализующую институт рабства. Беженцам оставался единственный выход – проситься рабами в эту Полесскую самопровозглашённую державу. Ведь на уцелевшей западной и центральной Украине предателей даже не вешали, а зарывали живьём бульдозерами.

Кампания по спасению коллаборационистов была широко разрекламирована. Дед Серёга удостоился Нобелевской премии мира, а Южная Древляндия, несмотря на рабовладельческий строй, была единогласно признана мировым сообществом как независимое государство и член ООН. На удивление, рабский труд благодарных «комуняк», «социков» и «тюлек» оказался весьма прибыльным, и страна скоро вошла в тридцатку наиболее развитых держав мира.

Дед Серёга, отпустив небрежным движением руки рабынь, помолился возвышающемуся на аксакалах деревянному Корчмарю, языческому богу войны и справедливости, а затем приступил к главной части разговора. Речь шла о дальнейшем развитии сотрудничества Народного Хурала Южной Древляндии с Политсоветом ПДРС, криптократическим правительством Юго-восточной Зоны.

День склонялся к вечеру, тень от окружающих сосен напозла на

помост и скрыла грозное лицо дубового истукана. Рабы на цыпочках принесли тонкие пуховые одеяла, укутали им ноги стариков и бесшумно удалились. Два закадычных друга, потягивая благородный напиток, погрузились в серые стариковские воспоминания о боевом прошлом.

Том V. ОСТРОВ ГОРОДОМЛЯ

Вилен подкатился на своём бесшумном чудо-кресле поближе к окну. С высоты третьего этажа за зазубренным частоколом елей открывался панорамный вид на вечерний Осташков плес. Несколько нажатий на кнопки, и кресло услужливо подняло спинку, позволяя расслабленно любоваться обзором на Селигер.

К креслу тянулись штанги с кабелями, подсоединённые к системе жизнеобеспечения. Да, сто двенадцать лет – возраст немалый, поэтому дряхлая плоть Вилена не могла уже существовать без искусственных почек, печени, сердца и прочей телесной начинки. Слава Корчмарю, все спецслужбы планеты были кровно заинтересованы в бесконечном продлении жизни Ветерана.

Считалось, что полковник Органов Резцов хранил в своем плешивом черепе на куриной высохшей шее ключ от самых шокирующих тайн прошлого и нынешнего веков – кто заказал убийство Кеннеди, с какой целью была развязана Афганская война, где хранятся золото Партии и миллиарды Тимошенко. И от многого, многого другого. По распространённой легенде, где-то хранились заветные папочки с разоблачительными досье на высокопоставленных чиновников.

В случае неестественной смерти Ветерана вся эта убийственная грязь должна была выплеснуться наружу, поэтому Вилену Резцову был оборудован специальный коттедж в закрытом доме отдыха, напичканный различной медицинской аппаратурой. Весь мировой политбомонд предпочёл вкладывать сотни и сотни миллионов в сохранение жизни и здоровья ненавистного мерзкого старичка, опасаясь непредсказуемых разоблачений.

Резцов питался трижды проверенной особой диетической едой, пил кристально чистую ледниковую воду из антарктической скважины, передвигался по миру в так называемом органомобиле – двадцатитонном бронированном чудовище с портативной системой жизнеобеспечения. Спецслужбы раздували его значимость и страшность хранимых тайн, добиваясь от правительств увеличения своих бюджетов.

На столике у окна лежали пачки непрочитанных писем от великих мира сего. В них властная мелюзга подобострастно поздравляла Ветерана со всевозможными праздниками, пеклась о его драгоценном здоровье, всё с единственной целью – обезопасить себя и свои семьи от таящихся скелетов в шкафу.

Вилен усмехнулся про себя: интересно, сколько секунд он успел бы прожить, если бы вся эта политнечисть вдруг узнала, что все эти легенды о нём – миф, что никаких папочек с секретами давно нет, все они сгорели во время бомбёжек Киева российскими самолётами.

Если бы они знали – подумал Резцов - что жить его заставляла совсем другая тайна, не мелкие секретки о продажной политплесени, а страшная и великая тайна, волей случая теперь известная только ему. И которую он просто обязан был донести до грядущих поколений партийных соратников.

Ветеран, налюбовавшись видом, пробежал непослушными пальцами по клавиатуре, и аппаратура впрыснула в кровь дозу стимулятора. Затем он откинулся назад и начал диктовать еле слышным фальцетом свои воспоминания об Освободительной войне. Компьютер вежливо поддакивал, иногда переспрашивая невнятную фразу.

Том VI. ПЬЯНАЯ ВОЙНА

Великая Освободительная война в народе получила прозвище пьяной. Началась она, как обычно всё начинается в России. Командующий Черноморским флотом третьи сутки праздновал повышение в звании. Новые адмиральские погоны с двухголовым гербом обмывали и под шампанское, и под водку, и под коньяк, потом снова под шампанское, потом под ром, потом под коньяк с шампанским.

Каждый новый тост оглашался под холостой выстрел линейного орудия флагмана и фейерверк. Команды остальных российских

кораблей отвечали нестройными залпами из табельного оружия. Толпы пьяных зевак на Графской пристани восторженным рёвом и битьём пустых бутылок встречали праздничную канонаду. Ничего не предвещало трагических событий.

Под утро, когда половина морских офицеров флагмана уже валялась по углам заблёванной кают-компания, командующий продрал бессмысленные свинячьи глазки и провозгласил басом тост: «Бей хохлов, спасай Россию!». Последующие события так и остались покрытыми тайной с запахом сивухи для кремлёвской комиссии. Кто неправильно понял тост адмирала флота? Кто отдал приказ запустить ракеты? Об этом знает только морской бог Нептун.

В Киеве никто ничего не понимал. Зачем? Почему? Тем более что Малороссией правил дуумвират сине-белого президента и красно-белой премьерши, квазисуверенное псевдогосударство «Украина» давно отказалось от планов евроинтеграции и семимильными шагами скатывалось во все евроазиатские пророссийские структуры.

Газовая труба вот-вот должна была стать русской, русский язык был объявлен первым государственным, а результат очередных, так сказать, выборов утверждался в Кремле. Российские войска беспрепятственно разъезжали с оружием по всей территории Малороссии, а оппозиционные мэры западно-украинских городов со дня на день ожидали ареста. Лысый эсбэушник и главный картавый мент ежедневно сотнями сажали в КПЗ недовольных.

Новый старый малороссийский министр обороны спросонья решил, что это НАТО напало на Украину, и приказал запустить ракеты по Польше, но все они, как и в прошлый раз, упали на Троещину. Отдельные войсковые единицы, где всё ещё оставались проукраинские командиры, нестройно отвечали на обстрел Украины Черноморским флотом.

Кремль попытался дозвониться до командования флота, но все связисты кораблей валялись мертвецки пьяными. В тот раз трусливый Медведев опять был и.о. президента России, а бандитствующий Путин – и.о. премьера. Дима с ужасом решил, что это находящийся в подполье Ющенко напал на Черноморский флот, но никак не мог ни на что решиться, и в бессилии рыдал у себя в кабинете.

Примчавшийся из Германии Путин быстро вразумил руками и ногами нерешительного и.о. президента, после чего послушный Дима объявил по телевизору о начале Освободительной войны. Синяки под

глазами и расквашенный нос ему за четверть часа привёл в порядок гримёр от телестудии. Эскадрилья Ту-16 полетела бомбить Киев.

Том VII.

ПОЖАР В БОРДЕЛЕ ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНИЯ

Освободительная война начиналась весело и разухабисто – как раздольная русская песня. Население России в пьяном угаре выстроилось в очереди к военкоматам, малороссарбайтеров мочили в сортирах, заодно досталось всем «чёрным» - неграм, кавказцам и азиатам. Проститутки на Тверской щедро давали военным забесплатно.

В первый же день один отряд бомбардировщиков Ту-16 сбился с курса и сдуру расстрелял крылатыми ракетами Ростов. Но это не омрачило всеобщего энтузиазма: останкинское Геббельс-ТВ свалило всю вину на украинских диверсантов. К тому же, два остальных отряда сумели таки долететь до Украины.

Правда, у одного дедушки реактивной авиации отказал двигатель, и пришлось срочно сваливать вакуумные бомбы на лес. По иронии судьбы, бомбы упали возле кортежа бело-синего президента, возвращавшегося с охоты на кабана. Большой друг России, не жалевший для Старшего брата ни страны, ни конфеток, по доброй традиции регионалов, погиб на кабаньей охоте.

Остальные крылатые ракетноносцы почему-то разгромили в пух и прах многострадальную Троещину. Всего одна ракета, отклонившись от курса, попала в обитель киевской знати - высотку на днепровских склонах. К счастью, ветерана Органов, полковника Резцова в это время не было дома – он проходил курс лечения в отдельной палате в Феофании.

Волна энтузиазма также, «с ручками и ножками», затопила всю юго-восточную Малороссию. Коммунисты и социалисты, вместе с

толпами прочих патриотов России, с цветами, хлебом-солью и самогонкой встречали долгожданных освободителей. Российские танки застряли в нескольких сотнях километров от границы – пьяные в стельку экипажи не в силах были даже забраться на броню.

Но киевский истеблишмент жил совсем не этим. В связи с гибелью президента, его место временно занял сладкоречивый седой спикер, бешено рвавшийся на верхнюю ступеньку. Белосердечная премьерша тоже не могла остаться в стороне – появилась долгожданная возможность вскочить на манящую президентскую табуретку. Мечта всей жизни начинала сбываться.

Политтусовка рьяно готовилась к внеочередным президентским выборам, а тут согласитесь, не до войны. Сладкоголосый, сумевший своими пассажами загипнотизировать даже Кашпировского, сутками пел бархатистым тенором, что стране нужен он, и только он. Молодящаяся премьерша не отставала, и с утра до вечера заламывала в экзальтированной мольбе руки с экранов телевизоров. О военных новостях можно было узнать только из бегущей строки.

Между конкурентами началась драка не на жизнь, а на смерть, за российское влияние. Пихаясь локтями и ногами, верхушка бросилась с хлебом-солью навстречу танкам освободителей. Выбрасывались сотни миллионов из офшоров. Российские экипажи обжирались заморскими деликатесами и блевали «Хеннеси» и «Джонни Уокером». Не смотря на войну, в приёмной кремлёвского барина толпились стада малоросских холопов.

На этом фоне крайне непонятным и загадочным было поведение многомиллионного ПДРС. После секретного заседания Политсовета, на котором был заслушана строго конфиденциальная информация от Стыциана Задрыпина, несменный, с 2002-го года, диктатор ПДРС отдал тайный приказ всем членам и активистам срочно переселиться в заранее выкопанные убежища, подвалы и погреба.

Но в сутолоке всеобщего предвыборного ажиотажа это странное поведение самой пророссийской, самой сплочённой и самой последовательной политической силы Малороссии осталось малозамеченным.

Том VIII. БРАТЯ ВАРЕНЧУКИ

Библейская история. Так было, так есть, так будет. Со времён Каина и Авеля.

Они оба выросли в простой гуцульской семье. Оба учились в советской школе. Оба были призваны во флот, а затем поступили учиться на морских офицеров. Иван и Николай Варенчуки. Советская Родина родила их. Грудь корабельного старшины вскормила их обоих.

Но только для Ивана, старшего брата, Родина была большой и великой, от Тихого до Атлантического океана, от стужи Северных морей до зноя Каракум. А для Николая, младшенького, родина была маленькой и злобной, как гуцульская вошь, присосавшаяся к телу огромного и доброго русского медведя.

Ивана воспитал советский строй и комсомол, а Николая - его дед, старый гуцул, бывший вояка УПА. Иван восхищался подвигами Павки Корчагина и Павлика Морозова, а Николай тайком почитывал националистические дедовские виршики.

Оба дали присягу России, оба командовали боевыми кораблями. Но только Иван, черноморец, во время Освободительной войны очищал землю Малороссии от натовской скверны, а Мыкола (так он теперь себя называл) плёл чёрный антироссийский заговор на далёком Тихоокеанском флоте.

Гнойный чирей украинского национализма исподволь вызревал на дальних рубежах России. Благо, почва была подходящая: много, ох, слишком много непереваренных, неперековавшихся малороссов служило на Тихоокеанском флоте. Стержнем этого бандеровского кубла был каперанг Николай Варенчук, командир ракетного крейсера «Петр Великий».

Как говорит русская народная мудрость, рыбака рыбака – видит издалека. Вот так и снюхались три чёрных душонки – капитан Мыкола Варэнчук, старпом Пэтро Поляныця и боцман Юрко Галушка, создав «осэрэдок» УПА на борту российского ракетного крейсера.

Троица бандерствующих вояк стала подбирать к себе в экипаж таких же мерзких предателей и подонков, как и они сами. Настоящие патриоты Родины были оклеветаны и списаны на берег. А взамен им злобные украинские националисты, один за другим, криво лыбясь и поглаживая «вуса», поднимались на борт крейсера.

Кто пробовал сопротивляться и писать рапорты в Кремль – оказывался на дне морском пищей для крабов, а в бортовом журнале появлялась стандартная запись – «смыт волной за борт из-за несоблюдения правил техники безопасности». Капитан-лейтенант Дмитрий Пельменев, лейтенант Василий Блинов, мичман Степан Оладьев... Упокой, Корчмар, их убиенные души.

Чёрные щупальца НАТО окутали всю Сибирь и Дальний восток. Связующим звеном выступал старый гуцул, дед Николая. В домашних посылках с салом он передавал весточки от таких же ячеек УПА во Владивостоке и в хохло-мансийском автономном округе, где большая часть нефтяников была родом с Малороссии.

Ох, Иван Варенчук, командир ракетного крейсера "Слава" Черноморского флота, знал бы ты, какой изувер, какой гнусный предатель вырос рядом с тобой в родном колхозе, на родной Гуцульщине... Знал бы – удавил бы ещё младенцем, в детской коляске!

Том IX. УДАР В СПИНУ НИЖЕ ПОЯСА

Народ Малороссии со слезами счастья на глазах встречал

освободителей. Российские танки продвигались к исконно русскому городу Киеву. Верховная Дума Малороссии подавляющим большинством приняла прошение к Российской думе о принятии Малороссии Юго-Западным федеральным округом в состав Российской Федерации. И.о. президента и премьерша репетировали церемониал преклонения коленей перед великим Путиным.

А в это время российский ракетный крейсер «Петр Великий» с сопровождающей эскадрой вышел на рейд Владивостока. Чёрен и злобен лицом был капитан Мыкола Варэнчук. Перезревший нарыв махрового украинского национализма лопнул и залил своим отвратительным гноем весь Дальневосточный край.

Гордая надпись «Петр Великий» на борту флагмана была закрашена и поверх спесивыми малороссийскими буквами выведено «Гетьман Мазепа». Экипаж, вместо форменных брюк, был одет в малиновые шаровары, а на боку, вместо кортиков, селёдками висели петлюровские «шабли». По карманам шаровар были распиханы пачки натовских йен.

«Ну що, хлопци, задамо москалям жару?» – в мегафон прокричал Варэнчук. «Так, батько!» – дружно закричали в ответ выстроившиеся на палубе бунтовщики-матросы. Варэнчук махнул рукой, и вместо Андреевского стяга на мачте взвился флаг УПА. Насквозь пропитанная ядом сепаратизма эскадра ответила салютом. Вверх по реям кораблей поползли чёрно-красные полотнища.

На берегу толпа собравшихся отморозков развернула антипутинские лозунги и огромное красное полотнище с омерзительными буквами на синем фоне - «Д.В.Р.». Варэнчук приказал радисту: – Передавай открытым тестом на всех частотах: «Дальневосточная Республика объявляет о своей независимости!», и шифром в Вашингтон и Лэнгли, а також Ющенко в Хоружэвку, в пидпилье: «Ваше приказание выполнено!».

Узнав о мятеже, Путин заскрипел зубами так, что зубное крошево вместе с кровью потекло изо рта, и дал бунтовщикам 72 часа на сдачу в плен, угрожая ядерным ударом. Российские войска были срочно отозваны из Малороссии. Отходя, они заливали юго-восточную Украину новейшим ядом на основе диоксина, по принципу «Не мне – так никому!»

Как потом подсчитала гуманитарная миссия Евросоюза, на территории Юго-восточной Зоны выжило всего 5 миллионов 200

тысяч человек. Большинство из них было парализовано, их лица и руки покрывала кровоточащая короста, волосы на голове выпали. Кадровый состав ПДРС сохранился весь.

Путин сдержал своё слово, и через 72 часа ракеты с термоядерными головками были запущены по Владивостоку. К сожалению, они не долетели до цели и взорвались над Сибирью, выпав радиоактивным дождём на Новосибирск и Томск. Ответный залп Дальневосточной эскадры оказался успешным, и Москва перестала существовать.

Том X. КАНЦЛЕРША

Ксения Общак любовалась резной кремлёвской стеной на фоне величавой реки. Она любила вот так посидеть в тишине хотя бы пять минут перед заседанием «малого» кабинета. Секретарь молча, не желая отвлекать канцлера от раздумий, поставил перед ней на расписном подносике кофе с мёдом и её любимыми орешками.

Нужно было обсудить с ближним окружением два вопроса: предварительно утвердить устав Белорусбалта – экономического и финансового объединения Беларуси, Российской республики и Прибалтийских стран, и наконец-то принять решение о введении визового режима с восточными соседями – Волжско-Уральской Федерацией и Западной Сибирью.

Конечно, от этих восточных варваров можно было ожидать всякого – и экономического шантажа, может быть, даже санкций с перекрытием газового вентиля, но необходимо было раз и навсегда обезопасить островок российского европейского благополучия от неконтролируемой миграции волжан и потоков контрабанды из Западной Сибири.

Вошли вице-спикер Думы, министр иностранных дел, лидеры фракций коалиции и секретарь Совбеза, министр обороны, как всегда, опаздывала. Можно было начинать. Канцлер умело вела заседание. По первому вопросу разногласий не было, по второму возникла

перепалка между Медведевым, лидером фракции геев и лесбиянок, и Суржиковой, лидершей феминисток.

Ксения великолепно разрулила ситуацию – всё-таки уже второй срок руководила Кабинетом министров, никак внешне не выдав своё раздражение по отношению к Суржиковой. Будучи в душе трансвеститом-мужчиной, да еще гомосексуальной ориентации, Ксения плохо переносила женщин за их скандальность и мелочность. Но ничего не поделаешь, коалиция состояла из трёх фракций, приходилось терпеть феминисток и домохозяек.

Была суббота, поэтому Ксения решила пройтись вдоль Волхова с Медведевым – обсудить фракционные дела. Анатолий Медведев, миниатюрный красавчик с подведёнными глазами и завитыми кудрями, отчитывался о социологических замерах. Партия геев и лесбиянок уверенно набирала 27-30 процентов голосов, вместе с феминистками и домохозяйками это давало большинство. Правда, от этих тупых и агрессивных баб всегда жди неприятностей.

Общак, как это принято в Белой Европе, прогуливалась с Медведевым без охраны. Встречные прохожие, узнавая их, улыбались и просили разрешения снять на фон Ксению: всё-таки не каждый день встретишь на прогулке канцлера Российской республики.

Том XI. БЕЛАЯ ЕВРОПА

После ядерного конфликта с Дальневосточной республикой казалось, что рухнул весь мировой порядок. В считанные месяцы провозгласили независимость и отделились Дальний восток, Сибирь и Кавказ, Карелия, Урал и значительная часть Поволжья.

Россия утратила девять десятых своей территории. В центре лежала в радиоактивных руинах выгоревшая Москва, вся Смоленская область была засыпана радиоактивным пеплом. Экономические связи были

разрушены, производство стояло без сырья, а юные восточные соседи вели себя нагло и вызывающе.

Ксению до сих пор мучили кошмарные сны, в которых она снова, по партийной путёвке, попадала в то ужасное время, когда из уцелевших лоскутков пришлось заново сшивать Россию. Уже совсем иную Россию, мононациональную, со столицей в Великом Новгороде, без ядерного оружия, от которого пришлось отказаться, без привычных сырьевых богатств Дальнего востока и Сибири.

Рухнуло всё. Не годилась ни старая конституция, ни старые нормы жизни. Холод, голод, безработица, беженцы, заговорщики из ФСБ, банды коммунистов и скинхедов. Плюс международная изоляция и мстительная ненависть соседей за загубленную восточную Украину и заражённую радиоактивными осадками Беларусь и Европу.

Вместе с двумя тысячами активистов ПДРС, Ксения была послана на помощь братскому народу. В самое пекло, в самый критический момент, в разгул анархии, преступности и бандитизма. В связи с потерей Сибири, некуда было ссылать преступников, пришлось вешать, расстреливать и публично рубить головы.

Не хватало исполнителей, и Ксения сама взялась за топор и верёвку с мылом. Когда она прилюдно, перед телекамерами, отправила на тот свет полдюжины генералов ФСБ, десяток секретарей райкомов КПР и с сотню скинхедов, в обществе настало протрезвление. На внеочередных выборах Ксения Общак практически единогласно была избрана президентом России, а после изменения конституции – канцлером.

Подошла к концу эпоха смут и пертурбаций и, отбросив свой имперский хвост, Россия начала стремительно эволюционировать. Выгодное транзитное положение между диким Востоком и Европой, высокий образовательный потенциал Европейской части плюс мононациональный состав и отсутствие этнических конфликтов – всё это привело к тому, что республика быстро вошла в круг цивилизованных стран.

Вместе с Польшей, Беларусью, Прибалтикой, Западной Украиной и другими ближними соседями, она являла собой островок безопасности и христианской культуры между впадающей в махровый ислам Западной Европой и живущей по законам кондового шариата Волжско-Уральской Федерацией.

Стремясь спасти былую стабильность и обезопаситься от грядущих катаклизмов, мировые толстосумы обхаживали и вливали сотни миллиардов в эту, так называемую «Белую Европу».

Давал себя знать возраст и прежняя бесшабашная жизнь, болела спина и ныли ноги. Ксения вызвала персональный электромобиль, распрощалась с Анатолием Медведевым и через пару минут облегчённо откинулась на подогретые сидения кара. Дома её ждал долгожданный покой и отдых, хотя бы до завтрашнего утра.

Том XII. ОШИБКА РЕЗИДЕНТА

Когда на горизонте появился российский самолёт, за которым тянулось буро-красное облако, штатный провокатор Органов, агентурная кличка Ёпсель Фигеев, вёл колонну экзальтированных «тюлек» под российские танки. С хоругвями Святой Тюлии, с хлебом-солью, с песнопениями и портретами Путина, они в слепом восторге бросались под гусеницы с криком «Тюля банзай!»

Нет ничего слаще для стада «тюлек», чем умереть по велению Белой Богини, отдать свою ничтожную жизнь за мимолётную улыбку на её страдающем прекрасном лице. Вот и сейчас, «тюльки» в исступлении принимали мучительную смерть в надежде, что за это в тюльковском раю они будут удостоены чести лизания левой, а может быть, даже и правой туфли Великой Праведницы.

Российские танкисты со скукой и с брезгливостью наблюдали из башен и смотровых щелей, как очередное тельце «тюльки» наматывается на гусеницу, потешно дёргая конечностями. Чего ещё ожидать от этих фанатиков с выпученными глазами и пеной на губах? Завидев свой самолёт, экипажи мгновенно закрыли люки башен, уже зная, что за этим последует.

Ёпсель тоже заученным движением за 60 секунд облачился в ОЗК и противогаз – в соответствии с секретной директивой товарища

Лютого. Сквозь мутноватые стекла он с интересом наблюдал, как «тюльки» вдруг закружились на месте, а затем попадали, закинув головы и суча ногами, как тараканы, на которых брызнули дихлофосом. Дождавшись конца агонии, он сверился с компасом и картой, и не спеша двинулся к пункту сбора.

К сожалению, противогаз образца 80-го года прошлого столетия плохо защищал от новейшей российской отравы, и уже через сотню шагов Фигеев почувствовал неладное. Начали неметь и подкашиваться ноги, стало плохо, как с большого похмелья, глаза заливало потом. Затем навстречу из радужного тумана вышел покойный Корчмар и поманил его пальцем. В ушах пели голоса и играла гармонь, ноги сами собой вытянулись метров на десять, потом подогнулись, и Ёпсель полетел в нирвану.

Гуманитарная миссия Евросоюза свозила полуразложившиеся трупы несчастных и сжигала их на полигоне. Один из мертвецов в штабеле, облачённый в странный резиновый чехол с прищепками, вдруг зашевелил пальцами на левой руке, свисающей из штабеля. Клаус-Дитер, волонтер, загасил огнемёт, перекрестился и подошёл поближе к ожившему покойнику.

Три года потом Ёпселю пришлось скрываться от суда Гаагского Трибунала в госпитале миссии, в палате с выжившими «тюльками». Он умело притворялся парализованным, тупо мигал глазами в ответ на вопросы медперсонала, ходил под себя, как и остальные. Когда в палату забредали санитары, студенты или врачи с обходом, для конспирации присоединялся к безумному хору «тюлек» – «Тю-ля! Тю-ля! Тю-ля-ля-ля!».

Но он верил в свою звезду, и ждал своего часа.

Том XIII. СУДЬБА РЕЗИДЕНТА

– Фигей-ага, так ты зайдёшь сегодня помассировать мне плечи? Никто так не умеет это делать, как ты, миленький Фигейчик-ага –

Зухра, любимая жена Мухаммед-Рахима, Волжско-Уральского кагана, лукаво обратилась к старшему евноху, потупив свои прекрасные миндалевидные глаза. Старший евнох гарема, облачённый в форменный халат с широким поясом, жёлтую чалму и сапоги с загнутыми носками, для важности надул щёки, а потом буркнул в ответ: – Ладно, баловница, вечером – жди.

Фигей-ага, агентурная кличка Ёпсель Фигеев, в окружении младших евнохов и Рахат Лукум, старшей жены Мухаммед-Рахима, совершал ежедневный обход обширного гарема Великого Хана. От его насупленных глаз под кустистыми бровями не укрылись ни увядшая роза на клумбе, ни застоялая вода в любимом фонтане престарелого кагана.

Давно, ох, давно обергазфюрер Фигеев, он же Фигей-ага, работал блестяще законсперированным «кротом» в святая святых Волжско-Уральской исламской Федерации, поставляя Лютому ценнейшие разведданные.

Сбежав по приказу Центра, когда это стало возможно, из больницы гуманитарной миссии, Фигеев потом провёл два неполных года, осуществляя негласное наблюдение за домом Ющенко в Хоружевке. Ёпсель облюбовал себе заброшенный вулик на окраине пасеки. Сквозь леток хорошо обозревался дом, а тщательно навощённая крышка позволяла тихо выбираться ночами до ветра.

Прикормленный Тузик давно привык к тайному обитателю, не лаял, и даже приходил ночами полизаться и поискать блох у Фигеева. Для конспирации, Ёпсель даже брехал иногда вместе с Тузиком на луну, выдавая себя за соседского пса. Приходилось днествовать и ночествовать в вулике, на зиму Фигеев натаскивал в колоду сена. Плохо было только по первоснегу, чтобы не выдали следы, приходилось справлять нужду прямо в вулике.

Через два года пост за ненадобностью сняли, и гаупгазбанфюрера Фигеева перебросили с ответственным заданием в Волжско-Уральскую Федерацию. Врождённое умение приспособливаться и находить нужные пути к сердцу правителя, позволило Ёпселю быстро втереться в доверие к президенту, а затем кагану Федерации Ислам-Рахиму, пожизненному правителю молодой державы.

Фигеев вскоре стал ближним советником Великого Хана и воспитателем его любимого сына - Мухаммед-Рахима. Несколько раз Ёпсель достаивался даже величайшей чести – сеансов анальной

любви кагана. После загадочной смерти старого хана, наследник трона, Мухаммед-Рахим, милостиво назначил своего учителя старшим евнухом гарема его Ослепительного Сиятельства.

Благодаря своим связям и бакшишу в целый мешочек золотых волгоуральских динаров, Фигееву удалось избежать специфической ритуальной операции, хотя он и полежал-поохал для виду несколько дней в опочивальне, ссылаясь на послеоперационные боли.

Самоотверженно работая на Службу внешней разведки Юго-Восточной Зоны, Ёпсель научился совмещать приятное с полезным, и вскоре у кагана появилось много-много русых сероглазых деток, очень похожих на Фигеева во младенчестве. Казалось бы, следовало ожидать неминуемой расплаты и мучительной смерти на колу.

Но жёны Великого Хана свято хранили свой приятный пикантный секретик. А приторные придворные повседневно пели кагану льстивую песню о том, что наследники Великого Хана как две капли воды похожи на владельца гарема.

Том XIV. ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО.

Он, портрет Корчмара и четверть шмурдяка. Суровый мужской разговор на троих. Шутка ли: полжизни в Партии, полжизни, отданной подвигам и свершениям, полжизни, обелившей его непокорную шевелюру сединой горестей и незримых страданий.

Что ж, нальём до краёв, честно взглянем в глаза Учителю, и опрокинем гранёный стакан за тернистый пройденный путь: есть, чем гордиться. Но почему рука опять тянется к беломорине, почему ссутулились плечи от непрощенных воспоминаний? Опять, опять нахлынули картины того, что он потом с невероятным трудом выкорчёвывал вся жизнь. Ненавистные детство и отрочество встали перед охмелевшими глазами.

Его юные годы тщательно скрывались от рядовых партийцев:

незрелый ум мог неправильно понять и отринуть извилистый путь возмужания Члена Политсовета с 2002-го года. Хотя и сказал Великий Усатый, что сын за отца не отвечает, но только проверенные Члены Политсовета в законе знали всю правду о происхождении Лидера.

Осознание собственной никчемности и неполноценности, невыносимый стыд за родителей – все школьные годы тяжёлым гнётом давили «Серого», так его в детстве звали мальчишки по двору. «Серый» – это если он отвоёвывал уважение корешей достойными поступками, а так, обычно – «Профессор» или «Лабух» – постылые клички, сопровождаемые злобным смешком и сплёвыванием через зубы.

Он был презираемым сынком университетского преподавателя теоретической физики и мамочки-консерваторши, ведущей занятия по скрипке и фортепиано. Гаже родителей трудно было придумать. Эти мелкобуржуазные прихвостни готовили чадо к карьере инженеришки или музыкантишки, а сын рвался во двор, к Валерке Тарасову и Сане Рожнову, своим приклатнённым корешам-наставникам.

Дома были ненавистные часы игры на скрипке и корпения над олимпиадными задачками, а во дворе – захватывающие рассказы о том, кто из «предков» пацанов больше сидел, о романтическом блатном мире, о тепловозном депо, производстве и подвигах «несунов». Слова «депуха», «нары», «поллитровка», «бригадир» и «приворовывать» зачаровывали Серого как адажио из концертной симфонии для альта и скрипки Моцарта.

Хуже всего было то, что Серый унаследовал способности и любовь к оттачиванию мастерства от своих ненавистных родителей. Душа мальчика разрывалась от противоречивых чувств и желаний. Он по инерции завоёвывал места на областных, а потом и республиканских олимпиадах по физике и математике, побеждал на областных скрипичных конкурсах.

Но большая дорога революционной борьбы, крикучий голос всемирного пролетариата, «эксы» и комсомольские собрания, сбор металлолома и пионерские костры, «обнесения» приусадебных садов мелких собственников и «сшибание» мелочи у маменькиных сынков и подвыпивших соседей – звали его!

Том XV. ОТРЕЧЕНИЕ

Тянулись серые годы убогого существования. Так и не посмев восстать против гнёта родителей, Серый к семнадцати годам, закончив физмат школу, уже учился на третьем курсе физтеха. Юному дарованию пророчили лавры светила никчемной теоретической лженауки. Омрачали жизнь лишь уродливые лики антинародной «Перестройки».

Но тут грянул страшный 91-й год. Всё то светлое, во что в глубине души верил юноша, было безжалостно перечёркнуто бандерствующими националистами. Подвиг Павлика Морозова и трубка Вождя, чистые руки Органов ВЧК-НКВД, единение Партии с рабочим классом и Дружба Народов – всё было оклеветано натовскими прислужниками и попрано озверевшей буржуазной толпой.

На физтехе ввели новый предмет – «Бандероведение и Пэтлюорознавсътво», где излагались курсовые задачки на зверомове: «На двух щэ живых москалив потрибна одна куля, а щоб поховаты пьятёх москалив потрибна одна лопата. Пытанья – скильки куль и лопат трэба на дэсять москалив?». Мать писала, что даже исконно русские ноты «до-ре-ми-фа-соль-ля-си» заменили на хохляцкие «до-рэ-мы-ква-силь-ля-сы».

Предстояло держать ответ перед собой: Доколе? С кем ты, товарищ Серый? Бессонная ночь прошла в мучительных раздумьях, о которых свидетельствовали смятые простыни и изгрызенная в перья подушка. Сумрачным утром совсем иной человек смотрел посуровевшими глазами в зеркало над умывальником, седая прядь шевелилась у него надо лбом. С гнусным прошлым было покончено навсегда.

Милиция нашла его одежду с паспортом в кармане возле реки. На забрызганной кровью траве валялась изломанная в щепки скрипка Гварнери. Пьяный бомж поведал, что вроде видел у речки какого-то

студента, похожего на Серого. Через некоторое время уголовное дело закрыли.

По ночам Серый перекладывал трамвайные пути вместе с такими же беспаспортными, а днём отсыпался в своём углу, который он снимал на троих с двумя рабочими с завода. Парней соседство устраивало: когда Серый таскал ночами рельсы, они водили девок на его койку. Серый приходил под утро и бессильно падал на раскладушку. Под подушку он всегда клал любимую «Краткую историю ВКП(б)» Вождя.

Приходилось заново учиться всему тому, что ребёнок из рабочей семьи знает с пелёнок: курить, матюкаться и пить шмурдяк, сморкаться через палец и мыться, как все русские люди – в общей бане по пятницам, бриться раз в неделю и подтираться указательным пальцем, если в кармане не оказывалось обрывка газеты.

Но если Рахметов спал на гвоздях, то Серый пошёл дальше: чтобы не тянуло к скрипке, он расчавил себе в тисках суставы на пальцах, а чтобы отучиться умничать, вколотил себе длинный ржавый шуруп прямо в переносицу. Руки он приучился мыть раз в день без мыла, вытирая ладони о брюки, курил махру, а по праздникам – «беломор».

Однажды в курилке он услышал о Корчмаре, и это перевернуло всю его жизнь. Простые, доходчивые слова в рабочей прокламации объясняли ему всю сермяжную правду о несчастной доле русского народа, о рабочем классе Приднепровья и Донетчины и о стальном пролетарском кулаке ПДРС, который прихлопнет могучим рабочим ударом сосущую гниду жидобандеровщины.

Том XVI. ПОСВЯЩЕНИЕ

Глаза в глаза, и нельзя оторваться. Два сверлящих бельма Корчмаря, похожие на зрачки кобры перед броском, буравили мозг Серого через стол. Между ними стояла литровка шмурдяка с двумя невымытыми гранёными стаканами и лежала газета с порезанной на ней желтоватой селёдкой и двумя нечищеными луковицами.

Серый мучался сомнениями, вспоминая всю свою несуразную жизнь. Внутри тонко звенела струна страха и напряжения. «Что ж я такого натворил?» - мысленно шептал он – «Неужели это конец?». Хорошо было известно, что Корчмар в приступе ярости был способен на всё.

«Не дрейфь, паря!» – Корчмар поковырял в носу, вытащил оттуда огромную зелёную козу и вытер её о газету рядом с кишками селёдки – «дядя Юра сегодня добрый, просто посмотреть на тебя схотелось, дружочек». «Боже мой, какой простой человек, и какой великий» – думал Серый, уставившись на газету сквозь восторженные слёзы.

«Ну, давай, паря» – Корчмар поднял до верху полный стакан – «Есть в тебе, паря, наша рабочая косточка» – и Корчмар опять впился своими змеиными щёлками в переносицу Серого – «Буду рекомендовать тебя, корешок, в Политсовет. Смотри, не подведи!»

Серый вскочил, опрокинув табуретку – «Да я, товарищ Корчмар, да я жизнь отдам за Вас, за отца родного! В огонь и в воду, всегда и везде, товарищ Корчмар!» «Ладно, сидай, паря» - Корчмар аккуратно разлил по стаканам остатки шмурдяка, вытащил из другой ноздри ещё большую козу, вытер её о газету рядом с хвостом селёдки, задумался и снова повторил – «Смотри, не подведи, паря, надеюсь на тебя».

Когда умер великий Корчмар, Серый, ныне Член Политсовета ПДРС с 2002-го года, рыдал, как ребёнок, размазывая слёзы по небритой щетине. Казалось, жизни больше нет, вся Вселенная умерла вместе со смертью Великого Учителя.

А после двухнедельного запоя, на Внеочередном «похоронном» съезде, встал похожий на Берию Златопольский, и протерев дрожащими пальцами очки, зачитал неровным блеющим голосом рекомендованные Политсоветом выдержки из завещания Юльича.

Как громом поражённый, Серый услышал слова – «А генсеком, суки, чтоб назначили Члена, с 2002-го года. Надеюсь, он не такой пидарас, как все остальные».

Том XVII. В БУНКЕРЕ

Опустела наполовину четверть, и сквозь сиреневые разводы на стекле проглянули змеиные глаза Учителя, в них блестели кусуче-ехидные искорки. Корчмар как будто спрашивал: «Ну, что, паря, тяжела шапка Мономаха?».

Член с 2002-го года, Генсек ПДРС, председатель Политсовета Серый, сидя в исподнем за столом, наслаждался ароматом изысканного шмурдяка из подвалов Рабочего паба «У Корчмаря». Комната бункера тонула в слоистых облаках дыма от «Беломора» и махорки. Сорокасвечовая лампочка на голом шнуре освещала аскетическую обстановку, известную до мелочей по многочисленным фотосессиям для журнала «Рабочая смена».

Простая дубовая дверь, рядом с которой на вбитых в стенку гвоздях висела поношенная шинель и выдавший виды картуз, рядом – потёртый китель бег погон и галифе, внизу стояли разношенные яловые сапоги. В центре комнаты – большой некрашенный стол с табуретками, в углу за занавеской – рукомойник с тазом, пятнистым от старости зеркалом и вафельное полотенце на гвоздике.

Сложенный лист газеты «Правда ПДРС», прикрепленный к шнуру над лампочкой, затенял скромную кушетку с тощей подушкой и солдатским одеялом. Рядом стояла фанерная тумбочка с несколькими книгами из краткого собрания сочинений Ю.Ю.Корчмаря на ней, остальные книги выстроились на этажерке. Вот и вся небогатая обстановка кабинета Рабочего Вождя.

Только посвященные знали, что за занавеской рядом с рукомойником была неприметная дверь, ведущая в покои с роскошной спальней, с водяным матрацем, зеркальным потолком и обитыми шёлком стенами. Рядом располагались будуар с гипервизором и

квандросистемами, спортзал, бассейн, сауна, бильярдная, курительная и зимний сад с прудом и аквариумами. Мозг Партии нуждался в полноценном отдыхе.

Что ж, вот и повернули мысли к самому важному, к одному из труднейших стратегических решений, которые Генсеку пришлось принимать в своей жизни. И тут есть, чем гордиться. Как будто кинолента жизни повернула вспять, и вновь перед взором Серого возникло то сумбурное заседание Политсовета, которое спасло Партию и решило судьбу Юго-Восточной Зоны.

Забывшие тени покойников восстали сквозь табачный дым, мёртвые голоса бывших соратников зазвучали в ушах Генсека, снова он погрузился в нервную безумную атмосферу эпохи Освободительной войны.

Том XVIII. ПУТИНСКИЙ ОТВЕТНЫЙ УДАР

Танковые колонны братской России несли долгожданное освобождение на своих могучих гусеницах. Путинские соколы добивали на земле и в воздухе кусающуюся бандеровскую нечисть. С другой стороны фронта, пять Пятых колонн верных сынов Путина подняли народное восстание против оранжевой диктатуры. Как никогда, было необходимо объединение всех прогрессивных сил в единый антинатовский кулак.

Политсовет ПДРС принял трудное решение о временном тактическом союзе с Трудовой Конфедерацией. В очередной раз из партийных библиотек и с полок фиолетовых уголков была отправлена в спецхран литература о гнусном, предательском облики Трудовой Конфедерации. Взамен на книжных полках разместились пожелтевшие книги о вечной дружбе и боевом союзе двух могучих ветвей рабочего движения – ПДРС и ТК.

Разведсводка, полученная от гаупштурмгазфюрера Задрыпина, застала Генсека и начконтра Лютого в оперативном штабе, развернутом в штреке конспиративной шахты на глубине двухсот метров. Они как раз планировали совместный парад Российской Освободительной Армии и пяти Пятых путинских колонн по Крещатику, с последующей операцией депортации малороссийской народности на Колыму.

Ошеломляющее известие о мятеже украинских националистов на Тихоокеанском Флоте и провозглашении Дальневосточной республики ввело в пятиминутный ступор даже таких закалённых партийцев, как Лютый и Член с 2002-го года. С отвисшими челюстями и выпученными глазами они сидели друг против друга, не в силах вымолвить ни слова. Первым пришёл в себя Валериан Спиридонович. С посеревшими губами, он выдавил из себя сиплым голосом: «Звони. Самому».

Отдышавшись, Генсек поднял трубку прямой связи с Кремлёвским бункером: «Товарищ главковерх, какие будут указания в создавшейся ситуации?» Ответ Путина не заставил себя ждать: «Мятежникам объявлен ультиматум. Также я приказал отвести наши войска с Украины и применить оружие возмездия по предателям. Салоеды должны ответить по полной за заговор ОУН-УПА на Флоте. Надо будет – и в сортире хохлов диоксином накормим».

Том XIX. МОМЕНТ ИСТИНЫ

Совместное заседание политсоветов ПДРС и ТК было бурным. В воздухе висели грозовые облака табачного дыма и взаимной ненависти. Временный президиум состоял из шести человек. Слева сидели Генсек, Наркомов и Козолупов, справа – три мерзких личности из руководства ТК. Чкалов с Бандерштейном руководили

секретариатом. В уголке сцены, прислонившись спиной к бюсту Корчмаря, примостился незаметный Лютый.

Зал тоже был разделён пополам незримой стеной. Слева расположились большевики из ПДРС. Шумные и многоголосые, они курили махорку, смачно сплёвывая на пол, матерились и весело улюлюкали в ответ на выступления меньшевиков из ТК. В зале колом стояло густое амбре из трудового пота и нестиранных портянок. Меньшевики скучковались справа. Прилизанные, в очках и при галстуках, они надменно морщились от резких слов и запахов.

Генсек с самого начала поставил вопрос ребром: «Товарищи, в создавшейся ситуации архиважным является сохранение Партии, как авангарда всего прогрессивного человечества. Приверженцы западной антипутинской идеологии и прочие малороссийские националисты должны быть уничтожены не только как класс, но и как неполноценная, мелкобуржуазная народность».

План был прост и ясен, им мог бы гордиться и сам Великий Учитель. Благодаря непреклонной решимости Путина, на земле Малороссии наконец-то смогла бы осуществиться многовековая мечта Великих Вождей пролетариата по построению нового бесклассового общества под руководством рабочей партии.

Очищенный от недочеловеков при помощи российского чудо-оружия, Юго-восток Малороссии стал бы строительной площадкой корчмаризма, на которой рабочий класс под руководством ПДРС возвел бы величественное здание, устремлённое в светлое будущее. Окрылённый Генсек чувствовал за своей спиной могучее дыхание Маркса и Ленина, Гитлера и Сталина, Гимлера, Дзержинского и Берии. Как будто сам Корчмар говорил его устами.

Мерзавцы из ТК, как обычно, начали гнуть свою правоуклонистскую линию. Бородатый интеллигентшко в пенсне как горохом сыпал буржуазными словечками – гуманизм, человечность, национальная солидарность. Большевики из ПДРС отвечали на этот словесный понос топаньем ног и дружным хохотом. Интеллигентшко что-то там пытался промычать, смешно размахивая ручонками.

Пора было кончать этот поднадоевший балаган. Генсек обернулся назад и поймал колющий, исподлобья, взгляд Лютого. Лютый понимающе кинул в ответ, лениво встал в возникшей звенящей тишине, и сказал свою знаменитую фразу: «Товарищи и господа, народ устал, заседание окончено».

Судьба наказала предателей. Не успев отойти и ста метров, делегация ТК попала под обстрел банды украинских националистов и вся погибла. На френч главного бородатого боссика из Трудовой Конфедерации была прибита гвоздями фанерная табличка на мове: «Так будэ с усякым прэдатэлем с москалей! ОУН-УПА».

За ночь, тихо и незаметно, все активисты и члены ПДРС, вместе с семьями, переселились в бомбоубежища, заброшенные шахты и погреба. Собачьи стаи вожака Урилури забились в заранее отрытые норы. А на утро над Юго-восточной Украиной появились российские самолёты с ядовитыми шлейфами.

Том XX. НИЧТО НЕ ЗАБЫТО, НИКТО НЕ ЗАБЫТ!

Героическая гибель Путина была воспета народными акынами ПДРС в эпосах и поэмах, в честь убиенного газфюрера воздвигались величественные монументы, где он, гранитный кудрявый великан, разрывал пасть описавшемуся дракону НАТО, именем газпрезидента величались бригады, перевыполнившие план и дружины юных педересов.

Во всех официальных зданиях Юго-восточной Зоны, в школах и парткомах, на вокзалах и в супружеских спальнях над кроватями весел обязательный барельеф, изображающий Ленина-Сталина-Корчмара-Путина в профиль, рядом с таким же обязательным портретом Генсека. Молодожёны приносили цветы к памятнику скорбящему Путину, все Владимиры называли своих сыновей исключительно Володями.

Официально считалось, что Путин погиб, закрывая своей грудью Кремль и Москву от вероломного ответного ядерного удара ДВР. Но на самом деле это было не так.

Когда термоядерный шквал испепелил Кремль, газфюрер вместе с зиц-президентом Медведевым, директором КГБ/ФСБ, ближайшей свитой, стенографистками и охраной находился на пятидесятиметровой глубине, в оперативном убежище, защищённом четырёхметровыми бетонными стенами и свинцовой кладкой.

Только подземный толчок был замечен в бункере, да зазвенели люстры и хрустальный стаканчик с цветными карандашами. Особо волноваться не следовало. Бункер был оборудован несколькими энергоустановками, в нём была налажена фильтрация воздуха, имелись кухня, столовая и запас питьевой воды и еды на два месяца.

К сожалению, взрыв одной из боеголовок «Булавы» разрушил обе шахты, ведущие к убежищу. Выбраться сквозь бетонные завалы оказалось невозможным, оставалось только надеяться на лучшее и ждать помощи извне.

Воды было достаточно: кроме питьевой оставалась техническая, для душа и канализации, хуже было с едой. Как ни растягивали запасы, сократив паёк для стенографисток, челяди и охраны, через три месяца запасы в холодильниках кончились. Вопрос о спасении руководства Державы встал ребром.

Первой пошла на разделку самая упитанная стенографистка, под хрен, горчицу и остатки водки она была просто великолепна. Затем настал черёд второй, тощей, её ели недоваренной, так как электроплита быстро разряжала аккумуляторы. Затем в кастрюлю отправили бесполезных референтов.

Когда догрызли последние косточки, пришлось поголодать, так как охрана стала очень подозрительной. Путин собрал всех мужиков за столом, разлил последние две бутылки водки, и объявил, что отныне они все лучше погибнут, чем предадут окопное братство.

Спящую смену охраны повязали легко, с бодрствующей пришлось повозиться. Кровь бережно собрали салфетками в кастрюлю: еда не должна пропадать. Шести туш мясистых мордovorотов должно было хватить для трёх оставшихся в живых месяцев на пять.

Но тут, как назло, отключились холодильники: совсем сели аккумуляторы. Пришлось даваясь доедать подпорченное сырое мясо. Завонялась техническая вода в баке. Последовавшее расстройство кишечника обезживало организмы, не было сил не то что добежать

до спальни охраны, которую превратили в сортир, но даже расстегнуть брюки.

Бункер погибал. Остановилась установка очистки воздуха, погасли светильники на потолке, помещения скудно освещались аварийными автономными лампочками. Трое мужчин задыхались в зловонном сумраке, пропитанном вонью разложившейся плоти и человеческих испражнений.

Опять наседал голод, нужно было решаться. Путин переглянулся с директором КГБ/ФСБ, и зиц-президент следующим пошёл под нож. Тщедушного тельца Медведева хватило ненадолго. Голод был беспощаден. Двое оставшихся, оба выходцы из Органов, хорошо понимали, какой следующий шаг ожидать друг от друга.

Обладатель чёрного пояса дзюдо оказался изворотливей. Оглушив директора неожиданным броском, Путин вгрызся зубами в горло слабо сопротивлявшегося противника. Он шумно высасывал кровь и жадно заглатывал оторванные куски тёплой плоти.

Ненасытное поедание сырого мяса вызвало заворот кишок. От невыносимой боли газфюрер визжа покатился по полу, затем застыл, поскуливая, поджав колени к подбородку. Поскуливание сменилось рыданиями, затем хриплыми стонами, Путин задёргался и вытянулся, уставив стекленеющие глаза в загаженный угол.

С ним вместе умерла Великая Империя.

Том XXI. НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

Министр пролетарской культуры Бандерштейн вышел с вечернего заседания Политсовета. В соответствии с утверждённым педерестическим этикетом, он помочился в подъезде здания Политсовета и нагадил под клумбу фиолетовых гвоздик у входа.

Сидя на корточках, Бандерштейн высоко задрал голову, любуясь величественным творением скульптора Церетели, почётного гражданина Юго-восточной Зоны, и чуть не опрокинулся на сотворённую кучу. Дом Политсовета представлял из себя огромного железобетонного Корчмара, устремившего взгляд и протянувшего тридцатиметровую руку на Восток.

Из передней части штанов каменного великана выпирал балкон, на котором собиралось Политбюро Политсовета во время прохождения демонстраций трудящихся под ними - между мощных ног колосса, а в задней части штанов скульптуры заседал Политсовет.

На Политсовете министр пролетарской ноуки, профессор лысенкологии Аркадий Тормозов докладывал о ходе выполнения Мичуринского плана по сотворению Новой исторической общности – многонационального пэдэрэстического народа.

После завершения Освободительной войны, когда, благодаря великому Путину, территория Юго-восточной Зоны очистилась от накали буржуазных элементов, Политсовет принял грандиозную программу заселения ЮВЗ новыми людьми, не тронутыми гнилью буржуазной цивилизации.

Туземцы четвёртого и пятого миров, вместе с коренными пэдэрэсами и собачьими стаями члена Политбюро Урилури стали той драгоценной рудой, из которой в плавильном котле ЮВЗ выплавлялось новое человекообразное существо коммунистического Завтра.

Смирнейший отец Нопаг, буреветник социальной революции, с Евангелием от Корчмара в одной руке и автоматом Калашникова в другой, в джунглях экваториальной Африки и на диких островах Микрополинезии крестил своим АКМ чистых душой приверженцев новой веры.

Затем скованные цепями невольники на подводных лодках Черноморского Флота, присягнувшего руководству ЮВЗ, перевозились сомалийскими пиратами на священную землю страны Корчмара. Каннибалы глубинной Анголы, племена занзибарских охотников за головами и первобытно-коммунистические трупеды с островов Кука приносили присягу Фиолетовому стягу.

Подтеревшись пальцем, в соответствии с нормами этикета,

Бандерштейн поднялся, натянул штаны на тощий зад, и расплакался от нахлынувших на него воспоминаний. Тёплая, потная атмосфера заседания, родные, милые рожи членов Политсовета, с кольцами в носсах, татуировками на щеках и перьями в кучерявых волосах, растрогали до слёз его чувствительное сердце.

Бандерштейн поправил кольцо в носу, поднял с земли копьё с широким наконечником – министерский символ, и на персональном рикше поехал домой – в персональный двухэтажный барак.

Том XXII. ЖОПА СЕРДИТСЯ

Зад Наркомов в ярости шваркнул тонометром об стену кабинета. Прибор показывал давление 380/220, пульс 127. «Скотина! Скотина! Скотина! Самодовольная скотина!» - в иступлённой ярости бормотал он, уставившись в никуда.

Генсек опять прилюдно унизил его, назвав перед телекамерами партийной кличкой Жопы, которую сам же и придумал. Была бы возможность, Наркомов задушил бы своих родителей ещё во младенчестве - за то имя, которое они ему дали: Зад, сокращённо от «За Дружбу народов!». Зад плевался кровью из прокушенной от гнева губы. Струхнувшие референты прятались в «предбаннике» под столы.

Генсек в последнее время совсем охамел. Вечно на подпитии, он и партийную челядь вовлекал в ежедневные пьяные оргии. Его хмельные шутки становились всё более развязными и унижительными.

Нажравшись до потери человеческого облика, Генсек заставлял Бандерштейна верхом на стуле изображать из себя бандеровского вояку на коне, а Волыняку подвешивал за ноги, как повстанца УПА.

При этом они должны были орать на коверканной мове: «Капут москалям! Щас мы вас покусаемо и на сало зарижэмо!»

Наркомова пьяный Член с 2002-го года всегда садистски бил по большому месту. «А ну, Жопа, покажи своё партийное лицо» - регоча мычал назюзюренный Генсек, и Зад, спустив штаны», наклонялся посреди зала Политсовета, спиной к честной компании.

Приблизённые довольно ржали, и Наркомов вместе со всеми, давя в себе лютую ненависть к обидчику.

Том XXIII. ГЛАВОСЕК

Безликий и неприметный, Наркомов начинал ещё пятым замом харьковского заворга Кушнарёва. После трагического развала КПСС совсем запил и опустился, потом образумился, и опять начал цепко карабкаться по партийной лестнице, сменив много окрасов. В конце концов, притулился к ПДРС, мелким, но всем нужным сотрудником орготдела.

Зад не хватал звёзд с неба, учился на твёрдые тройки и четвёрки, был неярким и косноязычным. Но хорошо чувствовал ахиллесовы пятки людей, помнил всех по имени-отчеству, не забывал поздравить с днём рождения и годовщиной свадьбы, умел ненавязчиво льстить и нравиться начальству. Хватку имел бультерьерскую.

Так как никто из вождей ПДРС ни воспринимал Наркомова всерьёз, он быстро выбился в руководители орготдела Политсовета. На своём невидном посту он добился весьма многого и для себя, и для ПДРС и Юго-восточной зоны.

При Заде была принята новая конституция, самая демократичная в Европе, ведь в ЮВЗ было даже две оппозиционных партии, общей численностью в 23 человека – Рабочая и Крестьянская, обе они, естественно, стояли на платформе ПДРС.

В ЮВЗ раз в два года проводились честные свободные

многопартийные выборы, на которых всегда побеждала пятёрка из рекомендованных Политсоветом рабочих. Пятёрка входила в состав руководства ЮВЗ и назначала правительство, ей полагалась сидеть в первом ряду на торжественных заседаниях Политсовета.

Зад добился от Европы постоянной гуманитарной помощи партийцам в связи с экологическим бедствием. Семьи малооплачиваемых слоёв населения (а всё руководство ПДРС вообще трудилось на благо Родины бесплатно) на шару отдыхали на Европейских курортах и учились в Европейских колледжах и университетах.

Наркомов как-то уговорил подвыпившего Генсека сделать заворга Политсовета первым замом по должности. Руководители региональных отделений партии, в своё время тщательно подобранные Наркомовым, поддержали инициативу Главосека (главного оргсекретаря), так теперь именовался Зад.

Как-то само собой стало считаться, что в случае отхода от дел Генсека, его место автоматически наследовал Главосек.

Том XXIV. НЕПРЕОДОЛИМЫЙ ПОЗЫВ

В сладких запретных мечтах Наркомов уже видел себя Генсеком ПДРС, диктатором, который по своим возможностям заткнул за пояс Сталина, Гитлера, Чингизхана и Мао, вместе взятых. Недаром, кроме либеральнейшей конституции Юго-восточной Зоны, секретный Устав ПДРС, негласный основной документ ЮВЗ, составлял тоже Зад.

Но, как говорится, и хочется, и колется. Главосек чудесно знал, каким чудовищным пыткам он и его родственники, до самых дальних, будут подвержены в застенках Лютого, в случае провала плана. Поспешись – Органы рассмешишь, поэтому Наркомов действовал тщательно и осторожно, расставляя преданных ему людишек в Политсовет, местные парткомитеты, Контрразведку и Боевое крыло. Когда-нибудь они составят критическую массу, и – тогда...

Вторая проблема не в меньшей степени сверлила головную извилину расчётливого Главного оргсекретаря. Это только насмерть пропитанному шмурдяком Члену с 2002-го года было важно считаться кращим парнем на деревне. Чувствительный Зад просто кожей ощущал сжимающееся кольцо ненавистных нато-дерьмократов, вонючих сраных евролиберастов, вокруг родной ЮВЗ.

Пусть недоброжелатели и дразнят его Жопой, глаза у неё, тьфу, у него, есть. Мир кардинально изменился за последние годы. Ушла в небытие Великая Российская Империя, что было только началом Большого Краха.

Белоруссия с Украиной давно в Евросоюзе и НАТО. На другой стороне бывшей империи проклятая сука ДВР тесно дружит с США. Курилы стали автономией Японии, вместе с Сахалином, там теперь бесценно руководит Северными территориями этот скользкий ненадёжный пройдоха Корч.

Северная Корея, после краткосрочной военной операции натовской военщины, объединилась с Южной. В Китае был развенчан культ Мао, а день восстания на площади Тяньаньмэнь стал национальным праздником. Куба, Никарагуа и Венесуэла давно распрощались с коммунизмом. Даже сомалийские пираты эмигрировали с родины в ЮВЗ.

Лишь Юго-восточная зона, одна-одинёшенька, оставалась стойким форпостом коммунизма и воинственного корчмаризма, бастионом антинатовских сил и маяком пролетарского прогресса, в мрачном сумраке злобствующего загнивающего капитализма.

Пепел сожженных в ядерном пламени Путина и мумии Ленина стучал в хитрожопом сердце Главосека. Он чувствовал непреодолимое желание собраться всем старым кадровым составом ПДРС, и в атмосфере творческой партийной дискуссии решить «Камо грядеши?», или иными словами, кто виноват, кому двинуть по рогам, и как жить дальше.

Во время очередного беспробудного запоя Генсека, Зад льстиво подсунил ему на подпись Указ о созыве внеочередного Конгресса ветеранов ПДРС – во исполнение якобы генсековского пожелания. Назавтра, случайно протрезвев, Генсек уставился бараными глазами на «Правду ПДРС» с воззванием к ветеранам.

Но, увидев магические слова «По указанию товарища Члена ПС ПДРС с 2002-го года» глубокомысленно икнул, почесал потылицу и промычал: «Ну, наконец-то засуетились, болваны. А то уже год твержу этим придуркам, что давно пора созвать наших заслуженных борцов, для типа посоветоваться».

Первым приглашение получил Вилен Резцов, ветеран Органов. Оно начиналось в соответствии с педерестическим пролетарским этикетом: «Эй ты, чувырла!»

Том XXV. СЕРЕБРИСТЫЙ СОН

Ему опять снился этот волшебный сон. Как будто он снова молод и лёгок, и идёт светлыми серебристыми коридорами по бесконечному зданию. Потолки пересекающихся коридоров высоки и воздушны, а вдоль них нескончаемая анфилада перламутровых дверей из матового стекла.

Он заглядывает в двери и любит пустынными белоснежными комнатами со светлым паркетом, залитым потоками солнечного света, льющимися из широченных окон от потолка до пола. За окнами поля и перелески до самого горизонта, речушки с берёзовыми рощицами, спящие озера в просветах камышей.

То ли поздняя весна, то ли раннее лето, зелень свежа и изумрудна, в окна врывается аромат сирени и ландышей. Стоит тишина, нарушаемая лишь пением птиц и стрекотом кузнечиков.

Сон совершенно реален, потрясающей натуральностью снов, которые бывают лишь в детстве и юности. Но краем сознания Вилен понимает, что это всего лишь игра воображения, навеянная вечерним просмотром фильма о подземных катакомбах острова Городомля.

Вилен любил отдыхать на Селигере, в этом фантастическом мире то

ли островов посреди великого озера, то ли круговерти чистейших озёр, связанных протоками и каналами. Россия, самое сердце России.

Он познакомился с этим неповторимым краем ещё в те забытые семидесятые, когда курировал подземным сверхсекретным заводом по изготовлению бактериологического оружия, расположенным в подземельях Городомли посреди Осташкова плеса.

Завод выполнял обширные планы по накоплению стратегического запаса смертоносных инфекций, вплоть до 1991-го года. Затем, во время демократической смуты, всякие безмозглые Бакатины рассекретили этот уникальный подземный комплекс, и только при Путине перепрофилированный завод продолжил выпуск отравы, но уже химической.

Именно здесь замечательные российские учёные создали тот всепроникающий яд на основе диоксина, который сначала испытали на бедолаге Ющенко, а потом успешно использовали во время Освободительной войны для зачистки Юго-восточной Малороссии от нежелательных элементов.

Пробуждение было плавным, как будто поднимаешься с аквалангом с черноморского дна возле Карадага. Обширную палату Ветерана и в реальности уже заливало полуденное солнце, красиво просвечивая сквозь узорчатые шторы. За окном переливался под солнечными лучами широченный плес до самого горизонта.

Сон разбудил в душе Резцова воспоминания более чем пятидесятилетней давности. Там тоже были бесконечные коридоры, но приземистые, из голого литого бетона со следами опалубки, и двери были железные, покрытые слоем краски грязного цвета, с поворотными затворами.

Вилен ощутил, что сама судьба подвела его к тому решающему моменту, когда он просто обязан рассказать на Конгрессе ПДРС ту страшную тайну, которую хранил на самом дне души вот уже более полувека.

Том XXVI. ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Вилен бежал быстрее лани, быстрее, чем советский человек в очередь за выброшенным к празднику дефицитом – зелёным горошком или апельсинами. Во-первых, если Председатель сказал «срочно» – это в самом деле срочно, а во-вторых первых, Председатель был единственным человеком, которого Резцов боялся по-настоящему.

Адъютант в прихожей молча кивнул на обитую кожей двойную дверь. Вилен вытер пот со лба рукавом рубашки – некогда было шарить по карманам платок и, постучав, вошёл. Председатель был один, сквозь разрыв штор он смотрел в окно, при этом его лицо, как обычно, ничего не выражало. «Стихи, наверное, сочиняет», – подумалось Вилену, случайно узнавшему о тайном хобби начальника.

– Садись, – голос у Председателя был надтреснут от усталости – Ты мне нужен, весь, целиком, все текущие дела у тебя заберут.

– Извините, Юрий Владимирович, – Вилен решился возразить – потребуется хотя бы пара дней на передачу, ну хотя бы день.

Председатель поморщился: – Избаловали тебя Вилен. Сказано ведь: нужен. Весь, с потрохами, и на длительный срок, видимо, на несколько лет. Подчиняться будешь только мне, лично, больше – никому. Никто, повторяю, никто не должен знать о твоём новом назначении, для всех ты – по моему поручению курируешь проверку общепита и торговли. Соответствующее предписание получишь.

– А на самом деле? – осмелился спросить Вилен – что, в этот раз Бровастый от старости испортился? – Сказал, и весь скукожился внутри от ненарочной своей бестактности: Брежнев был всего на восемь лет старше Председателя, да и сам он, Вилен, уже ведь не мальчик, с Председателем – почти ровесники.

– А на самом деле, Резцов, язык бы тебе покороче – уже генералом был бы, а так – выше полковника ни за что не подымишься. А на самом деле, милый юноша, – саркастически продолжал Председатель – Ты назначен адъютантом одного весьма интересного человека, считай, повезло тебе.

Вилена аж передёрнуло внутри от обиды. «Сука парторг, – подумал он – Наверное, накатал закладную по поводу моих высказываний насчёт этой прибабаханой бровастой камарилы. Но почему

разжаловали аж до адъютанта? Неужели этот партгадённыш в ЦК телегу накатал? И неужели на Председателя тоже могут сверху наехать? Ну и дела».

– Дурак ты, Вилен. Если б я смог – сам бы к такому человеку в адъютанты пошёл, – Председатель усмехнулся глазами сквозь очки, в ответ угаданным мыслям Вилен – Тебе, кстати, присваивается высший уровень допуска и разрешён вход на 51-й подвальный этаж. И ещё, тоже весьма кстати, будут выплачиваться командировочные и карманные расходы – пол твоей зарплаты. А питание там – бесплатное, заказывай хоть суп из хвостов австралийских кенгуру, если, конечно, Генеральный это попросит.

– Какой ещё 51-й? А что, есть и 51-й? – не нашёл ничего более умного, чем заикнуться на номере этажа сбитый с толку Вилен – А что, есть допуск ещё выше? У меня, что, не высший? И какой это Генеральный конструктор? Куда к нему ехать – в Харьков или Днепропетровск? В СКБ-897, что ли? И при чём тут 51-й этаж? – Вилен опять заклинило – И если высший допуск – то где этот идиот секретчик, со своей шпагой? ¹⁾

¹⁾ См. http://pdrs.dp.ua/doska/index.php/topic_49.msg1581.html#msg1581

Том XXVII. ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ ЭТАЖ

Председатель посмотрел на Вилену, как училка чистописания на закоренелого двоечника: – Никуда ехать не надо. Это, во-первых. Есть и 51-й этаж, и 56-й, где ты и будешь в основном находиться, за исключением командировок, если Генеральный стратег пошлёт. Кстати, скажет куда ехать – поедешь, скажет собственный язык проглотить – проглотишь, скажет дитё через задницу родить – родишь. Слушать его – как меня!

– А секретчик нам не нужен, да он и не в курсе, сболтнёшь хоть словечко – сам лично тебя пристрелю, – продолжал Председатель – «Бровастый» твой тоже ничего не знает, как и всё это

марзаматическое ворьё в Политбюро. Допущены только я да ты, да ещё несколько человек – и то временно.

Это словечко, «временно», не очень понравилось Вилену, хорошо известно, что означает при сверхсекретном допуске «временно» – до преждевременной кончины по концу задания, при загадочных обстоятельствах. Кстати, а как это – комендантский секретчик не в курсе? И как это – Политбюро тоже?? Что за фантазмагория? Сегодня ведь – не первое апреля.

Председатель покачал седой шевелюрой: – Эх, Вилен, Вилен, взял бы на твоё место кого другого, так остальные вообще круглые идиоты, да и первым делом в Политбюро строчить начнут. А у тебя хоть пара извилин в голове есть, всё-таки, хоть в основном и судейским, но всё же на фронте был. «Да! Понимаешь вещи лучше, коль жопой сядешь на ежа», – неожиданно продекламировал он.

Резцов в прострации шёл по коридору, сжимая в кармане заветный ключ. Чудеса, да и только, то ли у него крыша поехала, то ли у самого Председателя. Что за тайны Мадридского двора? От таких крамольных мыслей он аж остановился и озырнулся по сторонам. Хотя, невиданное дело, все его «хвосты» и «висяки» передали коллегам за полчаса. Неужели чудеса на этом свете случаются?

Вот и тот самый крайний правый лифт в тупичке, с вечной табличкой «На ремонте». И незаметная скважинка для ключа справа от дверцы. Ну что ж, перекрестившись, полезем в нору за кроликом? Вилен повернул ключик, и двери бесшумно открылись, в кабине лифта загорелся свет. С Богом! Кабина плавно поползла вниз. Без скрипа!! Резцов впервые в жизни видел бесшумный советский лифт.

-20. -30. -40. -50. Несколько секунд задержки, и загорелось табло «-51». Резцов приложил обе ладони к датчикам. Дверь открылась, и он оказался в тамбуре. «Ваше ФИО и пароль», – раздался металлический голос. «Резцов, Вилен Фёдорович. Тамбов». Открылась дверь в противоположной стене тамбура.

Его ждали двое с непроницаемыми лицами. Казалось, это были бессловесные истуканы, сделанные из пластика и металла. Один из них молча показал на лестницу, ведущую вниз. Один пролёт, второй, пятый. Над входом ещё в один тамбур – цифра «56». Повторилась процедура опознавания.

Его завели в страшно накуренную комнату. Маленький человек со

сморщенным лицом и ехидными глазками курил жутко вонючую самокрутку. Отдельной нотой в этой вони пробивался запах стойкого перегара. Одетый в засаленную рубашку с оторванной пуговицей и жмаканое галифе с расстегнутой ширинкой, гномик дурашливо уставился на вошедшего, ковыряясь в носу.

Вилен представился и шагнул вперёд с протянутой для приветствия рукой. Удар сзади по голове был молниеносным и профессиональным, так что Вилен даже не успел отреагировать. Сознание померкло.

Том XXVIII. В НЯНЯКАХ

«Пусть меня эти демоны в ад утащат, но я ему всё выскажу, так ему, ироду, и скажу: стыдно мол, Юрий Юльевич: такое важное место вот Вилену Фёдоровичу испортили». Резцов лежал под капельницей, на животе, а добрая медсестра Лида в это время мазала ему ягодицы мазью Вишневского. На её коровьих ресницах дрожали слёзы обиды и возмущения, Лида питала нежные чувства к адъютанту Генерального.

Вилен, уставившись в стену медпункта, представлял, как он подходит сзади к ненавистному самодуру, обхватывает его уродливую голову на куриной шее – и хрусть... Или лучше так: он пронесит в кармане крошку хлеба, пропитанную рицином, и незаметно роняет её в поило Генерального. И замечательная, сладостная, восхитительная смерть, в конвульсиях и мучениях, этой скотине гарантирована. Нет, лучше вот так...

Возле кушетки как тени, появилась пара «демонов» - охранников. Они зыркали глазами и нюхали воздух, как волкодавы, учуявшие серого, похоже, они могли чувствовать даже мысли, направленные против хозяина. Охранники менялись каждые два часа и всегда ходили парами, одного звали Петей, второго Васей. Возникало ощущение, что они выпущены на адском гебешном конвейере. Одна

пара Вася-Петя неотступно следовали за Генеральным, две другие пары Петь-Вась шныряли по этажу.

Резцов постарался думать о чём-нибудь постороннем, хотя это и плохо удавалось. Хватит с него и одной шишки на голове: охрана немедленно реагировала, если кто-то без разрешения приближался к хозяину ближе двух метров, кто их знает, может за крамольные мысли они тоже готовы заехать по башке.

Уже две недели Вилен числился в адъютантах «ирода», а точнее, в шутках, няньках и козлах отпуска одновременно. Никого и никогда в жизни он не ненавидел так сильно и всезахватывающе. И было за что. Эксцентричность и изощрённый садизм его подопечного не знали пределов.

В первый же день злобный гномик усадил едва пришедшего в себя Вилену напротив за стол, вежливо поддерживая под локти, и начал нести всякую непонятную ахинею, хитро поглядывая на часы. Стоящие возле кресла Генерального дуболомы Вася-Петя заранее довольно скалились. Через минут десять сотрясения воздуха «ирод» жестом отпустил собеседника. Вилен встал – вместе со стулом, штаны намертво приклеились к сидению. Подленькой радости карлика со сморщенным лицом не было пределов.

Каждые полчаса этот плешивый очкарик с рожицей, как печёное яблоко, придумывал новые пакости. Подножки, кнопки на стульях, дохлые мыши в карманах сотрудниц, прибитая к полу сменная обувь, жёваная бумага из трубочки, фуражки, намазанные клеем, соль вместо сахара в сахарницах в столовой – подленькой фантазии этого гадёныша не было границ.

Сегодня утром бывший фронтовик, полковник КГБ Резцов совсем сломался, в очередной раз усевшись на кнопки. Внутренне кипя, он как можно спокойней попросил это хорька больше так не делать. «Замётано, кореш!», - пообещал недоумок, и вправду, кнопки на стул больше не подкладывал, зато час назад Вилен сдуру наехал задницей на вбитый с другой стороны сидения гвоздь.

Том XXIX. ТОТ В ЦИРКЕ НЕ СМЕЁТСЯ

Ещё тяжелее было в выходной. Тут уж Генеральный оттягивался по полной. Обкурившись навозом алтайских горных козлов и выпив полчетверти бормотухи, он нагло вламывался в вечерний воскресный город, где приставал к прохожим, рисовал неприличные картинки на заборах и орал на всю улицу «Интернационал».

Угнать троллейбус или трамвай, подраться с милицией и дружинниками было любимым делом дебошира. Рассказывали, что раньше Генеральный организовывал целые театральные представления в судах, куда его таскали за хулиганство. Хуже всего, что он и сопровождающих поил своей чудовищной бражкой, от которой на утро взрывалась голова.

Но это были только детские цветочки. Настоящий кошмар наступал во время его творческих приступов и запоев. Чтобы не нарушать мыслительный процесс обкурившегося гения, весь этаж крался на цыпочках в войлочных туфлях, не отваживаясь сходить даже в туалет, чтобы не издать громкого звука. Мёртвая тишина поселялась на 56-м этаже.

Мухи, комары и тараканы безжалостно уничтожались, дабы не отвлекали мыслителя от вселенских проблем своим жужжанием, писком или топотением. Дышать полагалось беззвучно, кашлять чихать, икать или сопеть было категорически запрещено. Пугливая медсестра Лида от греха подальше пряталась в шкаф с медикаментами.

Но сейчас у подопечного был перерыв, так что жди очередной выходки мелкого этажного злодея. В коридоре раздался звук увесистого падения, словно шлёпнулся об берег пятитонный бегемот. Вилен уже догадался: это зловредный старичок натянул леску у пола. Видимо, не повезло толстому близорукому Сергей Сергеичу, заву режимным сектором.

Через минуту последовал гиппопотамий топот, грохот распахнувшийся двери, и в медпункт въехал довольный хихикающий инфант террибль, верхом на потном Сергей Сергеиче. «Всё, – мысленно пообещал себе Резцов – завтра подаю рапорт. Пусть хоть расстреливают, хоть четвертуют, но больше я терпеть этого не в силах!»

Том XXX. МОЛИТВА В КОРИДОРЕ

«О Великий Генеральный, Юрий Юльевич, миленький, прости меня!», - безмолвно молился Резцов, прислонившись к стене коридора возле рабочего кабинета Стратега. Прошло два месяца с того времени, как он, глупый самодовольный недоумок, обиженно возмутился эксцентричными замашками гения.

«Кто мы для тебя, Юрий Юльевич? Наверное, как микробы для огромного слона, нет, даже не слона, а кита, одиноко плывущего среди ледяных морей высокого знания. Прости меня, мелкую пылинку на твоём пути, если сможешь», – Вилен на цыпочках заглянул в приотворённую дверь кабинета.

Корчмар сидел посредине большого светлого зала на тибетском коврикe, окружённый курительницами с навозом священных горных козлов, который доставлялся фельдпочтой от алтайских шаманов. На его голове возвышался сияющей короной большой радиатор, производства Сарапулского радиозавода, к радиатору тянулись шланги водяного охлаждения.

Перед Генеральным змеёй тянулась из одного конца зала в другой лента конвейера, изготовленная Пензенским заводом резиновых изделий. По ленте медленно двигались последние новинки всевозможных издательств: книги, журналы, цветастые брошюры. На широкой стене перед Стратегом разными голосами говорили экраны нескольких десятков телевизоров.

Генеральный молниеносно пролистывал журналы и книги с конвейера, одновременно следя за экранами и слушая многоголосицу радионовостей из наушника на правом ухе. Терабайты информации ежесекундно вливались в пылающий мозг гения. От страшного напряжения температура извилин стремительно повышалась, поэтому и требовалось охлаждение этого уникального творения природы, мозга лубянского мыслителя, ледяной водой.

После часа поглощения данных, Генеральный выпивал пол-литра

жужки, настоящей на алтайском навозе, и погружался в катотонический транс, зашпаклевав уши пробками от Советского шампанского, производства Одесского завода шампанских вин.

Что творилось в это время в голове философа, какие гениальные схемы и ассоциации рождались в плешивом черепе на тощей пупырчатой шее, никто из смертных, понятно, и вообразить не мог. Пожалуй, только Всевышний мог бы оценить космическую красоту умозаключений, переполняющих мозг величайшего гения всех времён и народов.

После нескольких часов напряжённейшей работы, Корчмар выдавливал из себя вероятностный прогноз развития мировых событий. Заранее никто не знал, о чём будут футурологические предсказания лубянского оракула, скорей всего, не ведал этого и сам Генеральный. Но прогнозы аксакала 56-го этажа почти неизбежно сбывались, рано или поздно.

«Юрий Юльевич, если сможешь, прости меня, самовлюблённого уroda!», - продолжал молиться про себя Вилен – «Я, ничтожный червь, просто не понимал, что тебе, уникальнейшему гению, нужна озорная разрядка после такого чудовищного напряжения. Спасибо судьбе, что одарила меня счастьем наблюдать за тобой, хоть краешком, хоть мизинчиком прикоснуться к твоему неземному величию».

Том XXXI. РОДИНА В ОПАСНОСТИ

Ссутулившись, словно неся на плечах многотонную ношу, Резцов тащился по начальственному этажу Лубянки. Весь всклокоченный, даже не сообразивши переобуться, в войлочных стоптанных тапках. Чудовищная новость словно порвала все жизненные струны в его душе, каждый шаг давался через силу.

Прохожее начальство недоумённо жалось к стенкам коридора, обходя стороной бредущего Вилену, тупо уставившегося в ковровую дорожку. Не обращая внимания на вытаращившегося адъютанта,

Резцов ввалился в кабинет Председателя и без разрешения плюхнулся на стул.

Слова застревали в горле, он не в силах был протолкнуть их сквозь гортань. Наконец, под строгим взглядом из-под очков, Вилен хрипло выдал: «Ккорчмар. Сказал. Что. После. Девяностого. Года», – он прокашлялся, и, наконец, пересилил себя – «Товарищ Председатель, Генеральный говорит, что после 90-го года СССР перестанет существовать».

Председатель не схватился за сердце и не упал, как Вилен ожидал, а ответил холодно и спокойно: «Ну и что? Этого следовало ожидать. Эти вороватые проститутки доиграются. Ничего, Партия восстановит в стране порядок. Что ещё Корчмар говорит? Возьмите себя в руки, Резцов!»

Окрик начальника, как ни странно, успокоил Вилену. Уже более осмысленно он продолжал: «Это не всё, Юрий Владимирович, это ещё не самое страшное. И Партия, Корчмар сказал, после 90-го года тоже распадётся. Как же так? Как же страна сможет без Партии?»

Председатель ушёл в себя на несколько минут. Затем он начал говорить вдумчиво и размеренно: «Форма может меняться, но суть останется прежней. Российская империя возродится, под другим названием, Партия тоже возродится, в иной форме. Россия – вечна, Партия – тоже, на этом стояла, и будет стоять Российская государственность!»

Резцов любил председателя. Любил и уважал, в отличие от всей остальной номенклатурной шайки. Поэтому он внутренне сжался, прежде чем нанести последний, самый страшный удар. Но Председатель всегда требовал правды, пусть самой горькой, но правды.

Вилен весь скукожился на стуле, вжал голову в плечи, опустил глаза, и почти шёпотом произнёс: «Юрий Юльевич говорит, что после этого, лет через тридцать, и Россия сама развалится». Сказал, и расплакался, рухнув головой на столешницу.

Гнетущая тишина повисла в комнате. Казалось, сам воздух давил на плечи. Двое пожилых мужчин осмысливали ситуацию. Наконец Председатель тихо сказал ледяным голосом: «Этого допустить нельзя. Сколько мы имеем в запасе? Лет десять? Пятнадцать?»

Председатель встал, поднял Вилена и встряхнул его за плечи: «Мы должны успеть, полковник Резцов. Весь 56-й этаж переводится на военное положение. Даю тебе пять лет, не больше. Мы должны предотвратить катастрофу. Все ресурсы страны будут брошены на ваш проект. Уверен, выход есть. Родина и Партия будут спасены!»

Том XXXII. БЕЗМОЛВНЫЙ РАЗГОВОР

Когда приободрённый полковник Резцов вышел, Председатель без сил рухнул в кресло. Не стальной партийный вождь, не грозный председатель КГБ, а до смерти перепуганный старик с дрожащими губами одиноко сидел в громадном кабинете.

Как утопающий за соломинку, Председатель вытащил из стола заветный портрет, и ухватился за рамку. С фотографии насмешливо глядели вреднючие, с ехидными искорками, глазёнки Корчмаря. Надпись на обратной стороне гласила: «Не дрейфь, паря, будет и на нашем кладбище праздник!»

Как безумный, Председатель гладил портрет дрожащими руками, постепенно успокаиваясь. Фотография оказывала магическое действие, нормализуя давление и изгоняя камни из печени и почек. Прикладыванием фотографии к больному месту лечились насморк и геморрой. Вот и сейчас, Председатель ощутил магическую волну поддержки, исходящую от листка фотобумаги.

Погрузившись в нелёгкие мысли, Председатель задумался о судьбе Корчмаря, этого серого партийного кардинала, стоящего за всеми значительными поворотами и событиями непроторенной истории рабоче-крестьянского государства.

Будучи почти ровесниками, они и по жизни были во многом схожи. Оба преданнейшие ученики и последователи великого Сталина, они, тем не менее, всегда стояли несколько в стороне от властного Олимпа, безответно исполняя свой партийный долг.

Сменялись вожди и вождишки, ползли на манящую вершину честолюбцы и карьеристы, а они оба безудержно, до кровавых мозолей, трудились на благо Родины, каждый на своём посту, не требуя от Отчизны ничего взамен за свой каторжный изнурительный труд.

«Юрий Юльевич, мой партийный побратим, я верю в тебя. Ты и в этой ситуации, как уже не раз случалось, найдёшь выход. Выручай, Генеральный», – с надеждой, мысленно обратился к изображению Председатель.

Воспрянув духом, он в последний раз взглянул в хитро прищуренные бесцветные глаза Корчмаря, троекратно, по-русски, облобызал фотографию и положил портрет в назад в ящик стола.

Том XXXIII. СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

Вилен шёл бесконечными приземистыми коридорами из литого бетона со следами опалубки. Каждые сто метров туннель был перегороден тяжёлыми металлическими дверями, покрытыми слоем краски грязного цвета. Охранники услужливо открывали очередные отсеки, вращая поворотные затворы.

Операция «Ной» близилась к завершению. Ровно четыре года назад Генеральный, сжигая свой мозг в адском творческом пламени, невероятным напряжением интеллекта нашёл выход из, казалось бы, безнадёжной ситуации. После долгих бессонных ночей и мучительных раздумий, Председатель согласился с предлагаемым планом. Иного пути не было.

Вся мощь оборонных отраслей страны Советов была брошена в прорыв. Под неустанным контролем Органов, в атмосфере строжайшей секретности, десятки тысяч рабочих и инженеров, более сотни номерных КБ и НИИ трудились над деталями грандиозного плана. В целом с замыслом были знакомы всего три человека – Председатель, Генеральный стратег и его адъютант Резцов.

Полковник Резцов был назначен руководителем операции «Ной», Корчмар взял на себя труднейшую задачу создания обновлённой рабочей Партии. В их решительных руках находились судьбы рабочего движения и будущее всего прогрессивного человечества. Оба, ради спасения главного, были готовы пожертвовать обуржуазившимся навозом истории.

Под видом возрождения старых угольных шахт, в Донецком регионе строился секретный подземный город-миллионник. В стране терриконов было не так сложно незаметно выбросить на-гора миллионы тонн породы при прокладке транспортных туннелей и оборудовании жилых отсеков.

Одновременно, рядом, в заброшенных шахтах, разместились десятки новейших ракетных комплексов Р-36М УТТХ с двадцатимегатонными боеголовками, нацеленными на Вашингтон и Нью-Йорк, Лондон, Пекин и Париж. Неотвратимое возмездие ждало не только загнивающий Запад и гегемонистский Китай, в очищающем термоядерном пламени должна была сгореть вся буржуазная накипь планеты, отринувшая или недостаточно преданная коммунистической идее.

Новейшие достижения советской космической техники и медицины были использованы при построении замкнутых комплексов жизнеобеспечения для отсеков, которые предполагалось заселить отобранными партийными активистами и сотрудниками Органов. В огромных биоинкубаторах выращивались хлорелла и планктон для рядового состава, свиные стада, живая рыба, овощи и фрукты для партийного руководства.

Несколько подземных ядерных реакторов РБМК-1000 согревали, охлаждали и освещали Сталинград, так окрестили многомиллионный город, занимающий несколько десятков горизонтов. Эти же реакторы позволяли функционировать биоинкубаторам. Подземный город Сталина гарантированно смог бы пережить многолетнюю ядерную зиму. Как фотонная ракета, он был устремлён в Светлое будущее.

Великий Корчмар отбирал самых надёжных и проверенных партийцев для обновлённого Рабочего союза. Пережив Третью мировую войну на километровой глубине, партийная элита, под руководством истинно пролетарской, самой прогрессивной Партии в мире, должна была возродить новую, справедливую, счастливую жизнь на выгоревшей планете.

Том XXXIV. В МИРЕ ИСКУССТВЕННОГО СОЛНЦА

Напевая любимую «Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом» Вилен приступил к инспектированию готовности последнего на сегодня жилого отсека. Внутри всё пело. Сегодня Генеральный в третий раз проверил своё первоначальное гениальное озарение. Ответ был всё тот же. И этот ответ полностью оправдывал принятое непростое решение насчёт операции «Ной».

Резцов верил Учителю больше, чем самому себе: прогнозы Корчмаря сбывались почти всегда. Троекратное совпадение, по закону перемножения вероятностей, гарантировало: после окончания ядерной зимы планета будет полностью принадлежать Рабочему союзу, так решили окрестить обновлённую Партию. Светлое будущее уверенно вставало радужным маревом на горизонте.

Резцов решил начать с самого малоэстетичного – с очистных сооружений. Каждый отсек, как маленькая жилая планета, работал в режиме замкнутого биологического цикла. Канализационные отходы поступали в биоинкубаторы, становясь пищей для криля и удобрением для хлореллы. Органический мусор и тела покойников скармливались свиному поголовью, даже кости размалывались и шли на удобрение для овощных плантаций.

Подземный город будущего впитал последние достижения советской науки и техники, очистные сооружения и прочая аппаратура жизнеобеспечения функционировали в автоматическом режиме, управляемые спаркой отечественных ЭВМ ЕС-1050. Возле шкафов с блоками процессора и магнитной памяти суетились техники и программисты в белых халатах.

Вилена всюду сопровождали Васи-Пети, специализированная порода охранников, получаемая методом микроволнового воздействия для дробления оплодотворённой яйцеклетки и последующего стимулирования требуемых качеств. Фантастика будущего воплощалась в трудовые будни подземного Сталинграда.

Пройдя со свитой по отсеку и выборочно проверив кубрики для рядового состава и коттеджи с искусственными газонами для партийного руководства, Резцов отдал приказ о консервации отсека.

Оставив необходимый дежурный персонал для поддержания жизнедеятельности, охранники начали по очереди, группами по десять человек, отводить лишних рабочих и инженеров к теплоприёмнику очистных сооружений. Операция «Ной» проводилась в режиме полной секретности.

Том XXXV. БИОМАССА

Операция «Ной» была завершена раньше срока – за четыре с половиной года. Подземный Сталинград был законсервирован вместе с дежурным персоналом и в любой момент был готов принять до двух миллионов стойких отборных партийцев.

Несколько десятков неучтённых ракетных комплексов РС-20А, находясь на боевом дежурстве, глубоко в шахтах ждали своего часа. Все лишние свидетели развёртывания титанического проекта были зачищены и утилизированы. Лишь три человека знали координаты и ориентиры спусковых шахт в подземный город и коды доступа к входным шлюзам.

Но грандиозному плану так и не суждено было сбыться. Слишком глубоко проникли метастазы буржуазного разложения в когда-то здоровое тело советского общества.

За четверть века после смерти великого Сталина, к сожалению, произошли необратимые изменения в сознании советского человека. Бывшая большевистская партия окончательно разложилась. Карьеристы и приспособленцы, воры и короли дефицита отгёрли от рулевого колеса верных сталинцев.

Спецовка и кирзовые сапоги стали не в моде. Мещанство и стяжательство охватило трудовые массы. Молодое поколение, и то уже мечтало не о подвигах Павки Корчагина и Александра

Матросова, а о джинсах и магнитофонах. Подвывание западных продажных хрипунов зазвучало в рабочих общежитиях вместо «Калинки-малинки» и «Вышел в степь донецкую».

Разложившаяся биомасса никак не хотела объединяться в обновлённую большевистскую партию. Победоносная афганская война тоже не поспособствовала планируемому единению Партии и народа, ожидаемые тысячи добровольцев так и не выстроились у военкоматов.

Даже приход на вершину власти Председателя и его попытки возродить сталинскую дисциплину оказались тщетными. Возможно, поэтому Председатель из-за неудач не справился с болезнями и переселился под Кремлёвскую стену. Осталось в живых всего два человека, посвящённых в секреты проекта «Ной».

После анекдотического Черненко к власти пришёл натовский крот, ставленник ЦРУ и Моссада Горби, который на пару с предателем Родины Борисом окончательно развалил великую державу. Попытка патриотов ввести спасительное чрезвычайное положение оказалась подавленной демократической чернью.

Начались грязные инсинуации и гонения на ветеранов Органов. Корчмар, как закулисный вдохновитель ГКЧП, вынужден был уйти в подполье и залечь на дно.

Только через десять лет после трагического переворота, когда к власти в России снова пришёл сын Органов, истинный патриот и верный сталинец, Резцов и Корчмар встретились с Путиным на конспиративной квартире и поведали ему об операции «Ной». Снова три человека были приобщены к страшной и великой тайне.

К сожалению, страдающий циррозом печени Корчмар прожил после этого недолго, и вскоре упокоился в своём персональном Мавзолее. Затем Путин превратился в летучий пепел во время ядерного конфликта с ДВР. На всей Земле только один человек, полковник Резцов, надёжно хранил под лысым черепом заветный ключ к подземелью Ариадны.

На сто двенадцатом году своей жизни Вилен Резцов осознал, что долгожданный момент наконец-то настал.

Том XXXVI. ФИОЛЕТОВЫЙ МАЙДАН

Песни советских композиторов жизнерадостно оглушали из репродукторов на столбах. Духовой оркестр ДОСААФ наяривал «Мы за Партией идём, слава Родину делами», аэростаты поднимали на тросах гигантский портрет Корчмаря. На отдельных сценах выступали коллективы ложкарей и ансамбли русских народных плясок.

Праздник был в разгаре. Ветераны ПДРС выстроились в милые сердцу очереди за дефицитом: зелёным горошком, шпротами и майонезом. Правда, всё было из социальной помощи Евросоюза, но поверх натовских этикеток радовали глаз самодельные советские. Не остался в стороне и Общепит. Министр общественного питания Аарон Пружинер выставил дородных лоточниц в кокошниках, с чёрствыми пирожками на горелом тавоте и начинкой от своего свата, завстоловой Бляйшмана.

Корреспондент единственного, государственного телеканала Евдокия Чкалова-Шпала вела запись на камеру мероприятия, перед эфиром госкомиссия по пролетарской нравственности имени Евгения Ракитянского вырежет идейно не выдержанные и легкомысленные эпизоды. Сейчас она брала интервью у товарища Тага, корейца по национальности. Стоящий на четвереньках в инвалидной коляске, Таг зачитывал заранее подготовленные ответы на заранее поставленные вопросы.

В своё время член ПДРС, истовый сталинец Таг был заслан северокорейской разведкой в логово натовского сайта «Малороссийская правда», с целью внедрения идеологии Чучхе на форуме. К сожалению, недоброжелатели подловили любимого ученика Ким Чен Ира, отделали его сапогами, да ещё и коллективно поглумились над ним потом. С тех пор парализованный товарищ Таг вошёл в анналы педерстического героического эпоса.

А вот въехал в здание Политсовета на своём вороном жеребце

донской казак Дормидонт Вахромеев. Уборщица шла за ним с веником, сметая в совок лошадиные яблоки. Моложавый ветеран спешил и разговорился с Ёпселем Фигеевым, которого Органы отозвали из Волжско-Уральской исламской Федерации по дряхлости. Жены Мухаммед-Рахима, Великого Хана каганата, числом сто четырнадцать, всем гаремом последовали за своим любимцем, а с ними и более сотни усатых крикливых тещ.

Восьмеро псов, одетых для приличия в фиолетовые шаровары, несли паланкин со своим пожилым иерархом Урилури. Седогривый член Политсовета важно взирал на окружающих с носилок. Лауреат Путинской премии принуждения к миру, писатель Пропан Бутанов неровной рукой выводил автографы на бутылочных этикетках почитателям его бессмертного таланта.

В сторонке Лаврентий Сталинович разливал на скамейке четверть шмурдяка в бумажные стаканчики из-под мороженого. Клим Чугункин вместе с Виссарионом Сталинашвили резали на газетке плавленые сырки «Дружба». Вылезший впервые за десять лет из своего схрона, фиолетовый партизан Вольняка, с ППШ на шее, стучал воблой о спинку скамейки. Поэт Сеня Битый уже валялся под лавкой, высунув ноги поперёк тротуара. Рота внуков и правнуков кузнеца Мерцалова, проходя мимо, отдавала честь скучковавшимся аксакалам.

Дуняша Чкалова-Шпала поспешила ко входу в здание Политсовета: близился час открытия Внеочередного конгресса ветеранов ПДРС.

Том XXXVII. ДЫХАНИЕ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

Делегаты сдавали верхнюю одежду в гардероб: кожуха, фуфайки, плюшки, бушлаты, бурки, кацавейки и тулупы. Картузы, платки, кепки и папахи впихивались в рукава. Так как вход в верхней обуви был воспрещён, внизу вешалок рядком выставлялись сапоги, валенки, галоши, боты и лапти, развешивались просушиться портянки. Взамен выдавались войлочные тапки с завязками.

В украшенном лозунгами вестибюле были вывешены революционные полотна классиков педерестической живописи. Дуняша залюбовалась творениями лауреатки Корчмаревской премии Елены Емченко. Толпа собралась возле её знаменитой картины «Ленин на субботнике помогает нести бревно Корчмарю». Передние пять персонажей пролетарского шедевра были несменны – Корчмар, Ленин, Сталин, Путин и Генсек. Остальные тридцать-сорок периодически перерисовывались при ротации Политсовета.

Евдокия стала в очередь к досмотру Органов. Так как в зале должны были сидеть не только члены Политсовета, но и сам Генсек, досмотр проводился по девятой форме. Дуняша разделась за кургузой занавеской.

Два унтерзаурядгазфюрера тщательно ощупали её, затем последовали привычные команды: «Открой рот, раздвинь ягодицы, наклонись, присядь», два других унтерзаурядгазфюрера бегали пальцами по швам её одежды, заурядзафюрер техбригады в это время изучал телекамеру. После рентгеносмотра Евдокии поставили светящиеся штампики на руки, ноги, грудь и ягодицы, разрешающие допуск в зал.

Боже мой, сколько знаменитостей в зале и ложах, присутствовали даже послы нескольких африканских стран и официальные делегации дружеских партий. В президиуме, занимающем шесть рядов по тридцать стульев и табуреток, рассаживался Политсовет и почётные гости. Сзади, на лавках и полу, размещались партбонзы калибром поменьше – кандидаты в члены Политсовета и областное начальство.

Позади президиума висело огромное панно с портретом Корчмаря, по бокам сцены белели экраны видеосопровождения. Наконец, с небольшим запозданием, в зал вошёл Генсек, встреченный получасовыми овациями. Когда Член с 2002-го года жестом дал знак садиться, свет в зале притух, и Генсек начал свой эпохальный доклад. В это время на боковых экранах показывались слайды, отображающие славную историю и великий путь ПДРС.

После доклада Генсека зал взорвался овациями. Сквозь громогласные рукоплескания слышались крики «Ура!», лозунги и приветствия руководству Партии. Через полчаса, когда зал затих, начал своё выступление, посвящённое оргвопросам, главосек Наркомов, затем дали слово представителям трудовых коллективов и пришли поздравить делегатов юные пэдээрсы с горнами и барабанами.

Заседание закончилось пением «Интернационала».

Разумеется, все доклады неоднократно проверялись Идеологическим отделом и кураторами от Органов. Тексты были записаны на плёнку, и опять тщательнейшим образом прослушаны. Все, начиная с Генсека, просто в такт раскрывали рот под фонограмму. Нельзя было дать вражескому окружению ни малейшего шанса усомниться в монолитном единении Партии и народа.

Том XXXVIII. ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Вечером состоялось закрытое заседание Политсовета. Обезлюдела площадь перед зданием в форме статуи Корчмара. Броневые плиты напозли на окна. Всё пространство оцетинилось пулемётными дзотами и системами залпового огня. Заработали глушилки по всей стране. Допущенные прошли ещё один досмотр – уже по двенадцатой форме. Влаг не должен был услышать ни единого слова из секретного совещания.

Все присутствующие были в одном только, до молекул просвеченном, исподнем – чтобы никто, даже случайно, не пронёс жучок ЦРУ-Моссада. Столы ломились от яств со всех континентов. Официанты от Органов обносили гостей различными сортами шмурдяка и самогона. Ценители заказывали ром, виски, спирт, тормозную жидкость и денатурат.

В повестке дня первым значился сверхсекретный доклад ветерана Органов Резцова. Все оплесками приветствовали полковника, ввезённого на специальном катафалке, от которого тянулись шланги и кабели к системам жизнеобеспечения его персонального органомобиля.

Генсек открыл заседание. В вводном слове он кратко обрисовал тяжелейшую ситуацию, в которой очутилась Юго-восточная зона. Кольцо натовских стран сжималось вокруг родины Корчмаря, вражеское окружение расплозлось на всю Землю, ЮВЗ оставалась

единственным оплотом рабочего движения, коммунизма и сталинизма-корчмаризма во всём мире.

Продажная буржуазная идеология заполонила планету, пограничники ЮВЗ ежедневно расстреливали десятки предателей Родины, стремящихся проскользнуть в Европу. Присутствующие делегации дружеских псевдо-партий уже давно жили за счёт подачек Юго-восточной Зоны. Послы аккредитованных на Конгрессе стран представляли исключительно правительства в изгнании.

Контрразведка Лютого ежедневно раскрывала всё новые организации и кружки диссидентствующих контриков, отправляя их сотнями в расстрельные подвалы. Зрели заговоры даже внутри Партии. Реальность чудовищным образом расходилась с Завещанием Корчмаря, в котором он предсказывал, что вся планета рано или поздно будет принадлежать ПДРС. Нужно было срочно принимать решительные меры.

Как бальзам на души партийных руководителей, оказалось услышанное ими повествование из еле шевелящихся, мертвеющих уст ветерана Органов. Из последних сил рассказав о проекте строительства подземного Сталинграда, Резцов в изнеможении откинулся на подушки. Он выполнил свой долг. Кольцо гениальных предвидений великого Учителя замкнулось.

После последовавшей сумбурной дискуссии, Генсек долго не решался поставить вопрос на голосование, и только убедительные доводы Лютого склонили чашу весов в нужную сторону. Политсовет единогласно проголосовал за немедленное завершение операции «Ной».

Том XXXIX. ЯРЧЕ ТЫСЯЧИ СОЛНЦ

Уже на следующей неделе товарные поезда, набитые членами и активистами ПДРС, доказавшими свою преданность идеям Корчмаря и руководству Партии, потянулись к донецким терриконам. Переселенцы везли с собой свои семьи и нехитрый скарб.

Состав отклонился от проезжей колеи и свернул на еле видимые в густой траве заржавелые рельсы. Через несколько часов он замер в тупике перед горой породы. Сработали пиропатроны, стена камня обвалилась, и открылись ворота в подземелье. Состав продолжил движение под уклон. Через два часа он пустым отправился назад.

В это же время на полукилометровой глубине дежурная смена АЭС опускала стержни одного из реакторов РБМК-1000, разгоняя его до проектной мощности. Защёлкали контактами реле, загудели трансформаторы, мощные советские мейнфреймы ЕС-1050 замигали пультами управления. Компрессоры нагнетали сжатый воздух в резервуары. Подземный город оживал после полувекового сна.

Члены первичных организаций обживали кубрики жилых отсеков, занимая койки в три яруса. Руководство Партии размещалось под искусственным солнцем в комфортабельных коттеджах. Каждый день население подземного Сталинграда увеличивалось на десятки тысяч новосёлов.

Прошло ещё пятьдесят шесть дней, когда всё Политбюро снова собралось, на вершине террикона. Через подзорную трубу на треноге можно было наблюдать за последними ручейками переселенцев, втягивавшихся в тоннели входных шахт.

Стая охранных псов Урилури заносила на паланкине своего седого вожака. Рядом пьяненький Антон вместе с неразлучным Трофимычем везли на самодельной тачке почти не подающее признаков жизни тело мертвецки ужратого Сени. Аркадий Тормозов приветливо помахал им сверху рукой, но старики, занятые тележкой, не заметили.

Солнце начало клониться к вечеру. Член ПС ПДРС с 2002-го года стоял в окружении соратников на ветреной площадке, любуясь чудесным весенним видом. Земля, постепенно освобождаясь от российской отравы, первозданно зеленела до самого горизонта. Скоро ли она оживёт снова, после ядерной зимы?

Наконец, учётчики поставили последние птички в своих блокнотах. Завыли электродвигатели, и бетонные блоки в несколько слоёв перекрыли входные туннели. Толстенные стальные плиты наехали на шахтоподъёмники.

А на следующее утро десятки дымных следов двухсоттонных ракетносителей РС-20 перечеркнули небо над терриконами. Где-то

через полчаса утренняя дымка над европейскими столицами разорвалась слепящими вспышками, испепеляющими гамма-лучами всё живое.

Ещё через несколько десятков минут та же участь постигла Китай и Америку.

ЭПИЛОГ

Через двадцать одну тысячу оборотов Земли вокруг Солнца инопланетный автоматический зонд посетил этот заброшенный уголок Галактики.

Зонд исследовал первые две планеты от центрального светила, но нашёл их непригодными для белковой жизни из-за высокой температуры на поверхности. Четвертая планета не обладала достаточно плотной атмосферой, к тому же содержание кислорода было мизерным.

Третья планета не укладывалась в типичное статистическое распределение, и искусственный интеллект зонда решил обследовать её более плотно. Удивительным было то, что вся планета была покрыта многометровым слоем льда, а температура поверхности была на две сотни градусов ниже прогнозируемой. На всякий случай, зонд, не приближаясь к загадочному объекту, выслал вперёд несколько автоматов.

Автоматы подтвердили худшее: белковая жизнь, когда-то существовавшая на планете, практически погибла вследствие ядерной зимы, наступившей после нескольких сотен одновременных термоядерных взрывов. Жизнь в зачаточном состоянии сохранилась только на дне океанов.

Во время облёта автоматы подтвердили безопасность планеты для

зонда, а также обнаружили аномально тёплое пятно, расположенное на одном из полушарий. Это было достаточно странным, так как в данном регионе не наблюдалось вулканической деятельности.

Специализированным автоматам, посланным для изучения аномалии, удалось проникнуть в ствол искусственной шахты, спустившись, они обнаружили подземный город, населённый четвероногими разумными существами.

Киберпереводчик, посланный для коммуникации с разумными четвероногими, легко освоил их язык вербального общения. Изучение информации, полученной от четвероногих аборигенов, привело к ещё более парадоксальному открытию.

Оказывается, кроме четвероногих разумных существ, планету населяли ещё и двуногие, более того, они также раньше жили в подземном городе, но все погибли в результате безжалостных вооружённых конфликтов между противоборствующими политическими кланами.

К сожалению, все тела погибших двуногих разумных существ были преданы утилизации из-за опасности возникновения эпидемий. Сохранилось только одно замороженное тело двуногого, случайно забравшегося в холодильник в поисках раствора этилового спирта для употребления внутрь. Зачем это было нужно двуногому, аборигены внятно объяснить не смогли.

Извлечённое из рефрижератора тело двуногого существа было настолько пропитано этиловым спиртом (содержание алкоголя в крови доходило до 40%), что вследствие этого клетки тканей на морозе остались целыми. Столь высокое содержание алкоголя воспрепятствовало образованию кристалликов воды в клетках организма, из-за чего он не погиб, а впал в анабиотическое обратимое состояние.

Помещённый в капсулу для анабиотического сна, двуногий, после восстановительных процедур, пришёл в себя. Первыми его словами, после того как он увидел окружающих его медроботов, было: «Ну ты блин Сеня даёшь! До белки допился, мудила!»

К счастью, двуногое существо оказалось мужского пола, что позволило, при помощи генно-хромосомного клонирования, создать ещё несколько сот молодых особей подобных существ, как женского, так и мужского пола.

Так как на замороженной планете жизнь могла восстановиться не ранее, чем через несколько сот тысяч лет, зондом было принято решение переселить аборигенов на безлюдную планету в созвездии Тау Кита, которая подходила для их существования. Аборигены, после дискуссий, согласились с доводами искусственного интеллекта зонда.

Все разумные существа были погружены в анабиотический сон, и через несколько десятков земных лет высажены на поверхности своей новой родины. Для успешного освоения планеты, зонд оставил им стандартный набор первопроходцев, включающий примитивное оружие и простейшие предметы обихода.

Перед возвращением на орбиту, зонд смог наблюдать удивительный обряд, отражающий примитивные верования аборигенов. Срубив высокий шест и очистив его от ветвей, двуногое существо привязало к одному его концу фиолетовый предмет своего туалета, так называемые «трусы», а второй воткнуло вертикально в землю.

Все остальные разумные существа, как двуногие, так и четвероногие, попадали на колени вокруг импровизированного фиолетового флага, хором восклицая: «Слава Корчмарю! Слава ПДРС!»

* * *

Сеня проснулся сегодня рано. Вставать не хотелось: раскалывалась голова после вчерашнего, во рту стоял сушняк. Хотелось пить, чего-нибудь холодненького. Взяв себя за воображаемый шиворот, Сеня выволок себя на воздух из шалаша.

Солнце стояло ещё невысоко, рядом с ним бледно сияли обе луны, значит, погода будет хорошая. Первым делом, Семён отхлебнул браги из глиняного кувшина. Зелье из плодов арбузового дерева пахло можжевельником и хорошо помогало с похмелья.

Когда полегчало, Сеня поплескался в ручье, отхлебнул ещё браги, и в уже жизнерадостном состоянии приказал трубить подъём. Молодой дежурный пёс, кандидат в члены ПДРС, залаял хриплым басом: «Вставать, всем на линейку! Вставать, всем на линейку!».

После того, как население посёлка разрослось до нескольких тысяч особей, было принято решение строить новые посёления, каждое на несколько сот собак и человек, поэтому в базовом лагере по имени «Корчмарвиль» жило всего с сотню основателей.

Весь посёлок выстроился на утреннюю партийную линейку, где Сеня, под гимн Советского Союза, исполняемый на раковинах гигантских съедобных улиток, поднимал на флагштоке свои выцветшие трусы.

Затем Семён заглянул в загородку, где ели сено с десятков прирученных ящериц. Трое полосатых метровых любимцев – драчливая Препузаста, добродушный Антон и строгий Трофимыч, радостно бросились навстречу хозяину.

Сеня сидел посреди вольера, почёсывая животики ласковым скотинкам. Хвостатые Антон, Трофимыч и Препузаста тёрлись ему об ноги и приветливо хрюкали. Ему было и грустно, и тепло на душе.

КОНЕЦ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1. УДИВИТЕЛЬНЫЕ – РЯДОМ

Уже после выхода первого издания моего, во многом даже для меня загадочного, романа «Двадцать один год спустя», мне посчастливилось познакомиться с автобиографичной повестью известного малороссийского писателя Оковита Сталеновича Несамовитова¹⁾. Описанные в его произведении события удивительным образом перекликаются с повествовательной нитью романа-антиантиутопии.

Так сложилось, что с известным рабочим писателем я познакомился в далёком, то ли 84-м, то ли 85-м, году прошлого века, на Всесоюзном Коктебельском слёте писателей-производственников. Каково же было моё удивление, когда меня, начинающего рабкора заводской малотиражки, поселили в одном домике с маститым писателем, уже вошедшим в анналы производственной прозы своей трилогией «Огненный верстак».

Республиканская критика высоко оценила нестандартную фабулу романа мэтра, в котором сюжет оригинально вертелся вокруг многолетней борьбы передовиков-комсомольцев с ретроgrадами и вредителями на Анадырском заводе молочной тары. Особенно свежо было передана вспыхнувшая производственная любовь между Николаем, парторгом цеха сметанных баночек, и активисткой-многостаночницей Глашей.

Собственно, в Коктебельский дом творчества советских писателей должен был ехать не я, а известный Харьковский душевед, Геннадий Макаров, знаменитый своей публицистикой, а также половой неразборчивостью. Но Макар Гунявый (творческий псевдоним Макарова), в очередной раз лечился в Областном вендиспансере, и дело было серьёзное, Макаров тогда поймал экзотическую африканскую болезнь, врачи даже поговаривали о возможной ампутации детородного органа.

Как бы там ни было, так как все более достойные писатели находились в творческих отпусках, счастье ехать в Коктебель выпало мне, только что уволившемуся из рядов Советской Армии, и едва приступившему к работе в заводском листке «Боевой рашпиль».

Честно говоря, за душой у меня в то время был всего лишь один коротенький рассказ «Увеличим надои на 16 процентов» – о борьбе за урожай в Зачепиловском районе Харьковской области.

Оковит Сталенович сразу же произвёл на меня неизгладимое впечатление своей исконно народной внешностью и простецким поведением. Весь он был какой-то скукоженный и неприметный, плохо выбритый, глаза крошечные, хитроватые, мутного цвета, зато нос имел природно русский – широкий и уточкой. Стригся он под «полубокс», зубы чистил толчёным мелом, носовых платков не признавал.

Не желая оторваться от рабочих корней, Оковит Сталенович всегда ходил по залитой солнцем набережной и июньскому знойному парку в кирзачах, фуфайке и кепке, за обедом пользовался своей алюминиевой ложкой, которую носил за голенищем, а мясо вылавливал из тарелки прямо руками. Чай он пил с блюдца, шумно втягивая воздух, при этом вытирал пот со лба рукавом или оконной занавеской.

Даже на пляже Оковит, а мы быстро перешли на «ты», загорал в бязевых кальсонах с завязками понизу и майке из магазина уценённых товаров. Впрочем, нежились на гальке мы недолго, только в первый день, а потом на окраине пляжа обнаружили необозримые залежи самодельного портвейна в литровых бутылках, недорогого, но качественного.

Так что, в первый же вечер мы погрузились в творческий процесс, который только через две недели был грубо прерван нашим свинским выселением из домика – хамской администрацией и наглым обслуживающим персоналом Дома творчества. Видите ли, им надоело, что эти изнеженные москвичи и ленинградцы постоянно жаловались на наше якобы громкое пение со свистом по ночам.

Из-за упомянутого brutального инцидента, мы так и не успели основательно поговорить с Оковитом о его творчестве. Кто он, какова его первая профессия – всё это осталось для меня загадкой.

- 1) Оковит Несамовитов, На боевых рубежах, 684 стр. с илл., изд-во «Фиолетовый рассвет», 2009

2. ЧУЖОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

«Двадцатилетним младшим лейтенантом Органов, выпускником училища МГБ, прибыл наш герой, Оковит, в заброшенную деревушку Александровку Черниговской области в 1952 году» - так начинается заслуженный деятель искусств Южно-Абхазской ССР, писатель Несамовитов, свою автобиографическую повесть, посвящённую неутомимой борьбе советских чекистов с жолтоблакытным врагом.

Так получилось, что новоиспечённый младший лейтенант вообще-то должен был проходить службу в селе Александровка Ровенской области, куда был откомандирован для борьбы с подпольем ОУН-УПА, зарывшимся в свои лесные схроны.

Но из-за ошибки писаря училища, проездные документы были выданы до черниговской Александровки, упрямый штабной сверхсрочник ни в какую не хотел выписывать новое требование, поэтому пришлось молодому офицеру Органов бороться с вояками УПА в колхозе «Заветы Ильича» неподалёку от райцентра Бобровица.

Исконный русак, курянин Несамовитов, так и не смог освоить в училище малоросское наречие, поэтому, по легенде, должен был работать немым конюхом в разваленном колхозе. К сожалению, с пониманием хохляцкой тарабарщины тоже было туго, поэтому, в соответствии с изменённой легендой, конюх Оковит стал глухонемым от рождения.

Население Александровки в основном составляли одинокие вдовы с ребятыней, поэтому первым делом младший лейтенант озаботился увеличением рождаемости в заброшенном колхозе. Спившийся престарелый председатель, к сожалению, не мог помочь в этом деле Оковиту.

Треть книги, с достойным подражания реализмом и пролетарским натурализмом, посвящена любовным похождениям нашего героя по лавкам, лежанкам и печам, а летом – и по огородам истосковавшихся послевоенных вдов. Задевает за живое пронзительная фраза из повести: «И часто над картофельными грядками мелькал туда-сюда тощий зад Оковита» (писатель всё время ведёт повествование о себе в третьем лице).

Нужно отдать должное пунктуальности автора. В конце повести, со свойственной сотруднику Органов добросовестностью, приведены несколько страниц документальных свидетельств гуманитарной

активности молодого чекиста – адреса, фамилии, имени, отчества женщин, а также краткие полевые заметки об упомянутых трудовых подвигах.

Следующая треть замечательной книги посвящена неутомимой борьбе младшего, а затем просто лейтенанта МВД УССР с бандеровским отребьем. Сколотив чекистское подполье вместе с юными «ястребками» – «Ершом», «Миськом» и «Вороном»¹⁾, Оковит разоблачил восемь заговоров тайных сторонников УПА в колхозе, восемнадцать жовтоблакытных врагов народа были сосланы в Сибирь за свою антисоветскую деятельность.

Кульминацией этой части автобиографичной повести, безусловно, является описание ночной засады лейтенанта МВД вместе с «ястребками», в роще за коровником.

¹⁾ Агентурные клички, настоящие имена не приведены из-за опасения за жизнь советских патриотов.

3. ЛОМАЯ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

“«Чу» – прошелестел ночной ветерок вершинами осин, под которыми лежали в засаде Оковит с тремя комсомольцами. Они поджидали телегу с вечерним молоком, которое, по слухам, возила продавшаяся звеньевая Зина в отряд вояков УПА, квартирующий в овраге подле силосной ямы.”

Приведенный выше небольшой отрывок из повести Оковита Сталеновича, даёт возможность вдумчивому читателю от души насладиться прекрасным стилем выдающегося маэстро. Это исконно русское слово «чу» будит бурю чувств и ассоциаций в русской душе, наворачивая непрошенные слёзы на глаза почитателей мастера производственной прозы.

Далее творческий талант автора описывает, как ветер игриво летит на восток, пересекает Тихий океан и кружится над Лэнгли, возле американского президента Рональда Рейгана, который обсуждает коварные планы в отношении ОУН-УПА с директором ЦРУ Аленом Далласом¹⁾. Реплики вражеского президента и ЦРУшного фашиста один в один повторяют диалог Мюллера с Борманом из «Семнадцати мгновений весны» Юлиана Семёнова, свидетельствуя о творческом резонансе двух писательских дарований.

Затем шаловливый ветерок летит назад, пересекает 1/6 часть суши и

шевелит плотную штору в Кремлёвском кабинете, где умирающий Вождь всех времён и народов ведёт задушевную беседу с комсомольским вожаком, передовиком таксопарка, Владимиром Путиным. И мы прощаем автору некоторый сдвиг не только в пространстве, но и во времени, ради полноты и стройности изложения.

«Очень правильно вы заметили, товарищ Путин, насчёт опасности натовского движения ОУН-УПА для российской государственности и Газпрома. Аособенно хотел бы обратить внимание на враждебную деятельность агентуры УПА на Тихоокеанском Флоте», – потягивая «Герцеговину-Флор» из трубки, проникательно замечает Сталин – «Надюсь, создаваемый Вами Рабочий союз на Приднепровьи пазволит справиться с этой нэлёжкой задачей». Сцена в повести вылеплена так ярко и выпукло, что мы словно вживую ощущаем аромат трубки генсека и вспотевших ног будущего Президента.

И только после этого наш шалунишка ветер возвращается домой – к засаде «ястребков» и чекиста, производя очередное «чу» в вершинах заждавшихся осин. К сожалению, предательша Зина поехала в тот раз иной дорогой на молокозавод, но, тем не менее, под грузом неоспоримых улик, созналась в своих злодеяниях, и позже была приговорена советским судом к высшей мере наказания – расстрелу.

До самого увольнения в запас в 1982-м году прослужил под прикрытием глухонемой конюх, он же старший лейтенант, капитан, а под конец - майор КГБ Оковит Несамовитов. Талантливое перо писателя Несамовитова описывает и другие, наиболее яркие подвиги героя-контрразведчика. На его счету – и разоблачение украинских националистов братьев-трактористов Нарсулмамбековых, и арест диссидентки бабы Моти, колхозной сторожихи, и поимка деревенского дурачка Сеньки, злостного антисоветчика.

За тридцать лет безупречной службы в колхозе «Заветы Ильича», десятки врагов народа, натовских шпионов и прочих государственных преступников были обезврежены, изобличены и приговорены по всей строгости советских законов, благодаря недремлющему оку и всеслышащему уху Оковита Несамовитова, советского чекиста и патриота.

¹⁾ Так в повести.

4. НЕЛЁГКАЯ ДОЛЯ ЧЕКИСТА

С обидой повествует Оковит Сталенович о жизненных перипетиях, возникших вследствие ослиного упрямства зловредного штабного сверхсрочника из училища МГБ.

Личное дело младшего лейтенанта Несамовитова было отослано, как уже было сказано автором, в Ровенскую область. Так как молодой офицер Органов не прибыл по назначению, а времена были тревожные, его посчитали погибшим в неравном бою с бандеровцами.

Трагическая гибель двадцатилетнего русского офицера оказалась очень кстати Политотделу округа. На месте предполагаемой гибели старшего лейтенанта ¹⁾ Несамовитова был установлен памятник герою, он навеки был зачислен в список Областного управления МГБ, именем чекиста назывались сёла, колхозы, кинотеатры и пионерские дружины.

Не остались в стороне славные бойцы пера, кисти и киноленты. О погибшем в неравном бою капитане ²⁾ Несамовитове слагались стихи и писались рассказы, фурор на Сочинском кинофестивале произвела кинолента «Последний подвиг разведчика» с Олегом Стриженовым в главной роли, картины и барельефы, изображающие героический бой батальона майора ³⁾ Несамовитова с превосходящими силами противника, висели в каждой школе на Западной Украине.

При Л.И. Брежневе на месте сражения полка под командованием подполковника ⁴⁾ Оковита Несамовитова с дивизией УПА, был возведён величественный мемориальный комплекс на нескольких гектарах. При мемориальном комплексе был создан музей О.С. Несамовитова и Исследовательский институт по изучению героической жизни и смерти славного чекиста. На базе НИИ было защищено несколько десятков докторских и кандидатских диссертаций, издавался альманах.

Денежный и вещевой аттестаты были отданы Несамовитовым в Черниговское УМГБ. Семье погибшего героя-полковника ⁵⁾ Несамовитова выплачивалась пенсия, дети получали стипендию от Комитета госбезопасности, как сироты. Одновременно, внедрённый в логово врага сотрудник Органов, он же глухонемой конюх Несамовитов, регулярно получал жалование и обмундирование, представляясь полным тёзкой Героя Советского Союза, полковника Несамовитова, трагически погибшего на Западной Украине.

В девяностых годах, при смене начальства в Управлении вещевого и финансового довольствия, мелочные бюрократы из АФБ схватились за голову и нагло потребовали от Оковита Сталеновича вернуть перечисленную его семье пенсию и возместить расходы на создание ему помпезного мемориала. Эти гнусные мерзавцы-буквоеды также подали на майора запаса в суд, требуя возврата выданного вещевого довольствия, как ненужного покойному герою-полковнику.

Потраченные советские рубли, Оковит Сталенович, понятно, возвращать не собирался. Он также отсудил у хищников-снабженцев четыре сундука, в которых за тридцать лет службы накопились шинели, портупей, галифе, портянки, гимнастёрки, фуражки, кители и сапоги, но бельё пришлось вернуть ФСБ. Обозлённый на кровопийц-крохоборов, Несамовитов отвёз два мешка кальсон в Москву, и как на параде Победы, выложил у Мавзолея величественный триколор из белых бязевых, шёлковых розовых и голубых с начёсом комплектов.

Только при Президенте Путине справедливость была восстановлена, перед ветераном извинились, и все сто с лишним комплектов нижнего белья были торжественно возвращены владельцу.

¹⁾ Геройски погибшему младшему лейтенанту Несамовитову, приказом Министра Госбезопасности, было посмертно присвоено внеочередное воинское звание.

²⁾ Геройски погибшему старшему лейтенанту Несамовитову, приказом Министра Внутренних дел, к 40-летию Великой Октябрьской революции было посмертно присвоено очередное воинское звание.

³⁾ Герою Советского Союза, капитану Несамовитову, приказом Председателя Госбезопасности, к 90-летию со дня рождения В.И. Ленина было посмертно присвоено очередное воинское звание.

⁴⁾ Герою Советского Союза, майору Несамовитову, приказом Председателя Комитета Госбезопасности, к 50-летию создания ВЧК было посмертно присвоено очередное воинское звание.

⁵⁾ Герою Советского Союза, подполковнику Несамовитову, приказом Председателя Комитета Госбезопасности, к 65-летию Великой Октябрьской революции было посмертно присвоено очередное воинское звание.

5. В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

Последние главы замечательной автобиографической повести Оковит Сталенович посвящает своей кипучей общественной деятельности после увольнения из Органов и до настоящего времени.

Выйдя из колхозного подполья и попрощавшись с подопечными лошадьми, майор запаса очень скоро ощутил в себе зуд писательства.

Вначале он даже не понял, в чём дело, и на всякий случай обследовался в госпитале у проктолога и венеролога. Но на самом деле, сказались тридцать лет безмолвия в образе глухонемого колхозного конюха. Спрессованная за десятилетия немота кипела внутри. Прорезавшийся голос просился наружу.

Литературные замыслы пёрли из всех дыр Оковита Сталеновича. Несамовитов научился писать и стучать на машинках всеми шестью конечностями (включая голову), чтобы не взорваться от невысказанного. Он творил днём и ночью, лёжа на диване или жене, сидя за обеденным столом или на толчке. Соседи жаловались в ЖЭК на бесконечный круглосуточный перестук по клавишам.

Первые же произведения на производственную тему встретили благоприятный отклик советской критики, к тому же, авторские экземпляры своих рассказов и повестей можно было сдать в макулатуру, а на талоны приобрести «Три мушкетёра» или «Комиссара Мегре».

Но настоящим призванием пролетарского писателя, его жгучей кармой и судьбой, стала война, не на жизнь, а на смерть с украинским национализмом. Майор Органов и на гражданке продолжил бой с ненавистной жолтоблакытной УПА. Борьбе с клятой бандеровщиной были посвящены его повести и рассказы, сценарии кинофильмов и пьесы. Бунт самостийной черни в 1991-м году только разъярил его кипящую творческую ненависть.

В постоянных командировках по всему бывшему Союзу Несамовитов находил чёрный след натовских злодеяний и заговоров украинских нациков. Публицистические статьи Оковита Сталеновича бичевали подлое ОУНовское подполье в Якутской тундре, на Тихоокеанском Флоте и в Красноярском крае. Кровь невинно убиенных ОУНовскими вояками мирных чукчей и эвенков, башкиров и других граждан бывшего СССР, взывала об отмщении.

Благодаря политической деятельности пламенного борца с националистической нечистью, были установлены десятки памятников жертвам УПА – в Симферополе и Луганске, Норильске и Сыктывкаре, в Урюпинске и на вершинах Кавказа.

Как с бубонной чумой, боролся русский патриот с хэкающей малороссийской мовой - переносчиком националистической инфекции. Само слово «УПА» должно было исчезнуть из языков мира. Совместно с Политсоветом ПДРС и партией «Русский блок»,

пламенный публицист подготовил законопроект о запрете всех слов, содержащих словосочетание «упа» – «купать», «упаковка», «крупя», «упадок», «дупа», и даже исконно русского слова на букву «З».

Многочисленные научные экспедиции под командованием Несамовитова однозначно подтверждали вину жолтоблакытных самостийныков в Цусимской трагедии, потоплении Атлантиды, убийстве Кеннеди и даже гибели динозавров и загадочной цивилизации острова Пасхи. Не вызвала никакого сомнения причастность УПА к взрыву «Челленджера».

Заканчивается пламенная повесть «На боевых рубежах» текстами телеграмм и радиограмм из Экваториальной Африки, с островов Кука и Антарктиды, где Оковит Несамовитов, выдающийся чекист, писатель и общественный деятель, борется в настоящее время с жолтоблакытной заразой и ставит, ставит, ставит многочисленные памятники местным жителям – жертвам ОУН-УПА.

Суровий Антон Євгенович
ДВАДЦЯТЬ ОДИН РІК ПОТОМУ
РОМАН
(російською мовою)

Нікополь, видавництво Росток
79 с., з іл.

*Редактор Афанас'єва Г.Г.
Літературний редактор Карпов Петро
Технічний редактор Сольвичєгодська В.П.
Коректор Сєня*

*Здано до набору 06.04.2009 р.
Підписано до друку 14.04.2009 р.
Наклад 500 прим.*

Міська друкарня
м. Оржонікідзе, пров. Башасва, 7

Зам. 1442

Антон Суrowый – бывший советский прапорщик, ныне работает учителем труда в профтехучилище.

Выдающийся партиец. Теоретически крепко подкован. Председатель Совета подъезда № 5 Рабочего общежития по адресу ул. Павлика Морозова, 14.

Основной задачей своей жизни считает необходимость по капле выдавливать из себя малоросса. Овладел этой методикой в совершенстве. Сейчас разрабатывают методику выдавливания малороссов из народных масс. Совершенствует её, как правило, ночью, в подворотнях. Добился определённых успехов и существенно пополнили партийную кассу.

Добрый, носит ортопедическую обувь. Предан идеям Корчмаря до слёз.

Роман «ДВАДЦАТЬ ОДИН ГОД СПУСТЯ» является первым и последним произведением Антона Суrowого

«...От невыносимой боли газфюрер визжа покотился по полу, затем застыл, поскуливая, поджав колени к подбородку.

Поскуливание рывданиями, затем хриплыми стонами, Путин задёргался и вытянулся, уставив стекленеющие глаза в загаженный угол.

С ним вместе умерла Великая Империя...»

Библиотека ПДРСа
 Никополь, "РОСТОК"

4589 6451 2589 6543

ISBN: 978-955-02-4882-4